

Лина ЛИЧМАН

Квартира.
Муж.
Сюрпризы.
И я.

Иногда
планы идут
не по плану.

ВАСЯ В КВАДРАТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Личман

**Вася в квадрате, или Иногда
планы идут не по плану**

«Автор»

2026

Личман Л.

Вася в квадрате, или Иногда планы идут не по плану /
Л. Личман — «Автор», 2026

Меня зовут Василиса. Можно Вася. Мне тридцать один, и я решила купить квартиру. Чтобы больше никто не мог позвонить и сообщить, что мне пора съезжать. Скромное желание. Банк оценил его в пятнадцать лет платежей. Я умею торговаться, читаю договоры и знаю, что после слов «это исключительно в ваших интересах» надо придержать кошелёк. Казалось бы, идеальный покупатель. Для продавца — наказание, но это уже его профессиональные риски. Только есть одна квартира, которая мне очень нравится. Настолько, что я начинаю уговаривать себя сама. Риелтору остаётся вовремя помолчать. И вот это мне уже не нравится. А ещё есть Пупсик. Молодой, красивый и исключительно для здоровья. Никаких обязательств, никаких расспросов о личном. Условия мои, всё под контролем. Он даже не спорит. Подозрительно удобный человек. На работе я сразу замечая, когда менеджер выдаёт желаемое за действительное. Вызываю, сажаю напротив и задаю вопросы. Себя тоже, видимо, пора вызвать.

© Личман Л., 2026

© Автор, 2026

Лина Личман

Вася в квадрате, или Иногда планы идут не по плану

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Действие романа происходит в 2015 году.

Первое сентября я не люблю с семи лет и за двадцать четыре года не нашла ни одной причины передумать. Сначала это был день, когда у тебя при свидетелях отбирают лето, а ты ещё должна стоять с цветами и радоваться. Потом к моему первому сентября добавилось чужое. Брат пошёл в первый класс, когда я пошла в одиннадцатый, и в августе мне выдали список: костюм, сменка, прописи, обложки, счётные палочки. «Ты же старшая». Рожала мать, а я, видимо, должна была радоваться, что мне хотя бы схватки не достались. Отстояв три очереди на школьном базаре, я расплатилась и на сдачу купила себе колготки. Свою последнюю школьную линейку я провела на чужой: первый «Б», гладиолусы выше первоклассника и мешок со сменкой, который почему-то несла я. Мой одиннадцатый строился через двор. К своим я успела под конец речи директора.

С тех пор я выросла, уехала и научилась зарабатывать. Детей не завела. Казалось бы, заслужила право первого сентября просто доехать до работы. Хуй там. У Москвы дети были. И первого сентября весь город стоял у школ. Объехать этот день ещё никому не удалось.

Сегодня был вторник. От дома на Среднем Тишинском до офиса мне ехать семь минут, если никто не мешает. Без двадцати девять мешали все. В переулке у школы один джип стоял на тротуаре, две машины мигали аварийками посреди дороги, а между ними шли люди с букетами. Аварийки у них, видимо, означали: «Я размножился, всем стоять». Папы были в костюмах и с лицами людей, которых сняли с совещания. Мамы шли по газону на каблуках, и я сочувствовала им как специалист. Каждая вторая пара держалась за руки так старательно, будто на входе проверяют и это. Идеальная семья — жанр сезонный: линейка, утренник, выпускной. В остальные триста шестьдесят два дня эти же люди выясняют, чья очередь забирать.

Через дорогу передо мной вели первоклассника. Вела бабушка, за руку, а он отставал, оглядывался и букет нёс на отлёте, как чужой. Я его понимала. Дождалась, пока его доведут до тротуара, и только потом тронулась: человеку сегодня и без меня достанется. На триста метров ушло двенадцать, блядь, минут. В офис я вошла в девять ноль шесть. Любому из своих я бы посоветовала выезжать раньше. Себе почему-то хотелось посочувствовать.

На седьмом этаже первое сентября выглядит честнее, чем на улице. Ни цветов, ни музыки, ни родителей. Общий экран в отделе, тринадцать фамилий и напротив каждой — ноль. Серый. Вчера вечером там висело девяносто шесть процентов, и Серёжа фотографировал свою зелёную строчку на телефон. За ночь всё обнулилось. Система у нас падает раз в неделю, но первого числа работает безупречно.

Мои сидели по местам и смотрели на меня. Я пересчитала: одиннадцать. Двенадцатое место занимал пиджак.

— Поздравляю. — Я кивнула на экран. — Вы снова никто. Я, если кому-то от этого легче, тоже.

— Вась, ну мы же вчера... — начал Денис.

— За вчера вам заплатят десятого. А сегодня у нас ноль, двадцать два рабочих дня и план, который за лето не похудел.

Дверь открылась. Серёжа вошёл с кофе, оценил тишину и сел под собственный пиджак.

— Я у школы стоял, — сообщил он.

— У тебя нет детей.

— У меня нет. У всей остальной Москвы есть.

Крыть было нечем: я стояла у той же школы. Воспитательную часть пришлось пропустить. Марина подняла руку с карандашом. Она так делает, когда вопрос не про цифры.

— Вась. У Крайнова кабинет закрыт. Второй день.

— Я видела.

— И?

Одиннадцать человек перестали дышать, двенадцатый перестал пить кофе. Вчера я сказала им, что проверка закончена и что из наших — никого. Фамилию не назвала: Зорин запретил. Обычно на этом месте я начинаю спорить. Но Крайнов уже сдал пропуск, а моих оставили в покое. Ладно. По такому случаю могу и заткнуться. Складывать мои менеджеры умеют. Вчерашнее «источник установлен» и сегодняшнюю закрытую дверь они сложили быстрее, чем я дошла до своего стола.

— И дверь имеет право быть закрытой, Марин. Приказы у нас рассылают кадры, а не я. Кому нужна фамилия — ждёт рассылку. Кому нужна премия — берёт телефон.

— Телефон, — произнесла Оксана, не поднимая головы.

Этого хватило. Через минуту отдел гудел, как ему положено, и про дверь больше никто не вспоминал. По крайней мере, вслух. Денису я отнесла его папку по страховой. Он пересчитал листы при мне и только после этого убрал её в нижний ящик. Правильно сделал, я бы тоже пересчитала.

В двенадцать позвонили с ресепшена: ко мне гость. Директор сети автосалонов Сергей Андреевич обещал привезти договор сам и привёз. Он невысокий, быстрый и ходит с портфелем, который не выпускает из рук даже за столом. В переговорке он достал из него два экземпляра и положил передо мной.

— Как обещал, Василиса Дмитриевна. Собственник подписал вчера вечером. Синей ручкой: он считает, что чёрная — к убыткам.

— Впечатлительный человек.

— Вы даже не представляете насколько. — Сергей Андреевич сел и наконец поставил портфель на пол. — Мне, кстати, вчера в девятом часу звонили ваши конкуренты.

— Поздравить?

— Подвинуться. Сами, ещё на сорок тысяч.

Я не подняла глаз от договора. Сорок тысяч вниз от их последней цены — это уже ниже нас. В девятом часу вечера, через десять часов после того, как их ориентир сдал пропуск. Считать без подсказки они, оказывается, тоже умеют. Только поздно и в панике.

— И что вы ответили?

— Что собственник уже впечатлился. Дважды за одну сделку он не умеет. — Сергей Андреевич развёл руками. — Это я вам не для скидки рассказываю. Договор подписан. Это для настроения.

— Настроение принято. Скидку я бы всё равно не дала.

— Знаю. Поэтому сначала подписали, потом рассказал.

Я прочитала оба экземпляра до конца, включая реквизиты. Сергей Андреевич ждал спокойно: сам такой. Цена — двенадцать четыреста десять. Резерв на складе — семнадцать дней с даты счёта. Одна субботняя доставка в месяц. Замена бракованной техники за сорок восемь часов при наличии на складе. Всё, что я обещала в пятницу, стояло на своих местах, и теперь это предстояло не обещать, а возить. Мебель во второй салон им нужна была к десятому, открытие — семнадцатого, если опять не сдвинут. Я проводила его до лифта и вернулась за стол. Первый договор сентября появился у меня первого числа в двенадцать двадцать. В школе за такое давали грамоту.

С нашей стороны подпись ставит коммерческий директор. Я понесла договор в левое крыло. Дверь напротив приёмной все эти годы стояла открытой. Сегодня она была закрыта, и таблички на ней уже не было. Кристина сидела за стойкой: гладкий хвост, ровные стрелки. Всё как всегда.

— Доброе утро, Кристина.

— Добрый день, Василиса Дмитриевна. — Она посмотрела на часы у меня за спиной.
— Олег Николаевич у себя.

Словами мы с ней здоровались второй раз в жизни. Способная девочка.

Чернов сидел за столом без пиджака. Раньше договоры до него читал заместитель, и на подпись они попадали с карандашной галочкой на последней странице. Теперь галочку ставить было некому. Он читал сам, с первой страницы, ничего не пропуская, а я стояла и ждала, как ждут у кабинета врача, который вдруг решил померить давление лично. На резерве он остановился.

— Семнадцать дней.

— С даты счёта, Олег Николаевич. Со складом говорю сегодня.

— Суббота?

— Одна в месяц. Машину я согласовала с логистикой ещё в пятницу.

Он дочитал, расписался на обоих экземплярах своей длинной подписью с хвостом и подвинул их ко мне.

— Записку Михаилу Романовичу — мне в копию.

— Конечно.

— И листы теперь несите сразу мне. Пока.

«Пока» он произнёс отдельно. Про то, что мы одна семья, он не вспоминал с июля, и я не уверена, что это слово осталось у него в словаре. Я забрала договор и вышла. У снабжения меня перехватила Ирина Павловна. Она стояла в дверях своего отдела, как пограничник, только с калькулятором.

— Вася. Семнадцать дней резерва и субботы. Это ты продала?

— Я.

— Значит, ты и объяснишь складу, откуда у них возьмётся место.

— Объясню.

— Объясни так, чтобы склад потом не объяснял мне.

Она ушла, не дожидаясь ответа. В отделе я остановилась у экрана.

— Автосалоны подписаны. Двенадцать четыреста десять, деньги пойдут в сентябре.

— То есть мы уже не никто? — оживился Серёжа.

— Вы — никто. Это я молодец. Антон, мебель считал ты, так что молодец на четверть.

Антон кивнул, не оборачиваясь. По-моему, четверть его устроила. До вечера я звонила на склад, в логистику и снова на склад, потому что семнадцать дней резерва легко продать и трудно разместить, а Ирина Павловна, как обычно, была права заранее.

Без десяти семь я вышла на площадку. Новая зажигалка срабатывала с первого раза второй день подряд, и я почти поверила, что так бывает. Вчерашнее сообщение висело там, где я его оставила. «Результаты пришли. Всё чисто. Когда второй этап отбора?» Сутки без ответа. Писать я не стала. Я обещала позвонить, когда будут результаты, а обещания я выполняю в том виде, в каком давала. Пупсик взял трубку после второго гудка.

— Да.

— Результаты готовы. Мои тоже чистые.

Пауза. Потом он выдохнул, и по звуку я поняла, что он улыбается.

— Я уже решил, что не прошёл.

— С чего?

— Сутки тишины.

— Сутки на рассмотрение заявки — это быстро. У нас в снабжении за сутки даже не отказывают.

— То есть я прошёл.

— Допущен. Суббота, семь вечера. Грузинский ресторан в том же доме, где клиника. Ресторан я тебе должна.

— И компенсацию, — напомнил он. — За синяк.

— Синяк сошёл?

— Сошёл.

— Значит, предмет спора отсутствует.

— Я его сфотографировал. С датой.

Н-да. Человек третью неделю со мной знаком, а уже собирает доказательную базу. Я затянулась, чтобы не засмеяться в трубку.

— Хорошо. Компенсацию рассмотрим. И результаты привези.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Привези.

— Привезу, — согласился он. — А в туалет до субботы ходить можно?

— Можно. Всё, я работаю.

Я нажала отбой раньше, чем он успел сказать что-нибудь ещё, и докурила. Улыбалась я обеими сторонами рта. На площадке это можно. До субботы ещё четыре дня. Сама назначила — сама теперь жди, умная. В отдел за сумкой я вернулась уже с обычным лицом.

На бокс я успевала с запасом. В семь двадцать пять я уже стояла на Большой Грузинской, доставала из багажника сумку с формой, и тут позвонила Римма Аркадьевна — хозяйка моей квартиры. За три года она звонила мне шесть раз: трижды поздравить с Новым годом, один раз предупредить, что в доме меняют стояк, и дважды сообщить, что с декабря будет «немножко дороже». В первый раз немножко равнялось трём тысячам. Во второй, прошлой зимой, я объяснила ей, что такое кризис и сколько квартир в нашем доме стоят пустые, и цена осталась прежней. До декабря было далеко, до Нового года тем более.

— Василисочка, добрый вечер. Вам удобно говорить?

Эту фразу я знаю с изнанки: в две тысячи седьмом я произносила её по сто раз в день. После неё человеку обязательно что-нибудь продают.

— Удобно.

— Василисочка, вы идеальный жилец, я всем так и говорю. Три года, ни одной задержки, ни одной жалобы от соседей...

Когда хвалят списком, дальше идёт «но». Я закрыла багажник и стала ждать.

— ...но я решила квартиру продавать. Есть люди, знакомые знакомых, они готовы выйти на сделку в декабре. Договор у нас с вами до тридцатого ноября, и продлевать я его не буду. Я подумала, что честнее сказать сейчас, а не в ноябре.

— Честнее, — согласилась я. Честная женщина. Предупредила за три месяца. Даже послать нахуй не за что, а очень хочется.

— И ещё я подумала: сначала надо спросить вас. Вы же любите эту квартиру. Они дают пятнадцать. Вам, как своей, я отдала бы за четырнадцать с половиной.

Четырнадцать с половиной миллионов. Мне, как своей. Охуенная акция.

— Спасибо, Римма Аркадьевна. Я подумаю.

— Подумайте, Василисочка. И не обижайтесь на меня.

— Я не обижаюсь.

Обижаются, когда ждали другого. Я три года платила по договору и по договору же получила уведомление за три месяца. Идеальных жильцов, оказывается, выселяют так же, как неидеальных, только вежливее.

— Заебись, — сообщила я закрытому багажнику и пошла переодеваться.

Тренеру я ничего не рассказывала. Он надел лапы, принял первую серию и опустил руки.

— Ты сегодня торопишься.

— У меня срок.

— Какой?

— Первое декабря.

— Лапам всё равно, какое число. Локоть подними и не лети.

Локоть я подняла. Не лететь получилось к третьему раунду, когда кончилось дыхание, а вместе с ним желание кого-нибудь убить. В раздевалке осталась арифметика. Четырнадцать с половиной миллионов — это сумма, которой у меня нет. А занимать у банка столько, чтобы хватило, я не стану даже ради ванны, в которой можно вытянуть ноги.

Домой я вошла в начале одиннадцатого и впервые за три года не разулась с порога. Постояла в прихожей и посмотрела на квартиру глазами кладовщика: что здесь чьё. Потолки высокие, не мои. Паркет не мой. Окна во двор, кухня с дверью, ванна. Шкаф с зеркальной дверцей тоже хозяйский, и диван. Моего набралось немного: массажное кресло, матрас, три подушки, телевизор, посуда и то, что висит в шкафу. Три года я приходила сюда, чтобы здесь никого не было. Оказалось, всё это время здесь была Римма Аркадьевна. Просто она не шумела.

Я разулась, приняла душ и надела пижаму. Телефон отнесла ночевать на кухню, но по дороге открыла в нём календарь и проверила одну вещь. Первое декабря в этом году выпадало на вторник. Вторникам я не доверяла и раньше.

Чужую квартиру можно любить, как чужого мужа: искренне, годами и без всяких прав. Разница только в том, что за чужого мужа не платишь сорок восемь тысяч в месяц. В среду вечером я села за кухонный стол и перевернула квитанцию за свет. На обороте с августа остались мои пометки по автосалонам, но место ещё было. Когда я не понимаю, что чувствую, я считаю. Обычно это помогает.

В первый год я платила сорок пять тысяч в месяц. Через год Римма Аркадьевна прибавила три и извинялась так, будто цену поднимает не она, а погода. Прошлой зимой цена устояла. К тридцатому ноября наберётся ровно тридцать шесть месяцев и почти миллион семьсот тысяч за право три года называть чужую ванну своей. Это около пятой части двухкомнатной квартиры в приличном кирпичном доме: не в центре, но и не там, где кончается география. Пятую часть квартиры я, получается, уже купила, просто не себе.

Дальше на квитанции появились три строчки. Первая: снять другую. Опять рассказывать чужой тёте, какая я аккуратная, и доказывать, что мне можно доверить её диван. За свои же деньги. Через год или через три мне снова позвонят и спросят, удобно ли мне говорить. Вторая: купить эту. Четырнадцать с половиной миллионов. Если не отдавать всё до копейки, банку я останусь должна почти девять, а это под сто двадцать тысяч в месяц на пятнадцать лет. Столько мне не одобряют, и правильно сделают. Берёшь чужое и на время, отдаёшь своё и навсегда. Нахуй такой финансовый квест. Я зачеркнула вторую строчку дважды, чтобы не возвращаться. Третья: купить ту, которую я могу себе позволить. Без поручителей и без «Василисочки».

Деньги у меня были. Копила я в долларах, с первой нормальной зарплаты: рублю я доведу не больше, чем фразе «оплатим на следующей неделе». Шестнадцатого декабря две тысячи четырнадцатого года в отдельных обменниках за доллар просили сотку с лишним. Это если ты у банка покупаешь. Если банк у тебя — щедрость у него резко заканчивается. Обед у меня в тот день выдался поздний — только к трём выбралась. Дошла до банка и продала всё. В двадцать минут четвёртого за каждый мой доллар дали семьдесят три рубля. Хотелось бы получить больше, но не предложили. Я просто знаю, что продавать надо в тот день, когда все остальные стоят в очереди покупать. Вернулась на работу, открыла сайт банка. Три пятьдесят. Покупают уже по шестьдесят пять. Восемь рублей с каждого доллара за полчаса. Хорошо, блядь, что я сначала в банк пошла, а не жрать. Иногда я сама себя пугаю.

Кредитов я не люблю. Один у меня уже был, на машину, и закрыла я его на год раньше срока, просто чтобы перестать о нём думать. Но отдать за квартиру всё и остаться с пустым счётом — это не осторожность, это другая глупость. Мало ли что. Поэтому на квитанции написала так: сорок процентов своих, остальное банк. Срок беру длинный, пятнадцать лет, чтобы обязательный платёж не душил в плохой месяц. А плачу как за семь: всё, что сверху, и каждую годовую премию — в основной долг. Под нынешние четырнадцать с половиной годовых банку придётся отдавать тысяч на тридцать больше, чем сейчас Римме Аркадьевне. Разница в том, что Римма Аркадьевна была бы навсегда, а банк можно пережить. Потолок цены я назначила сразу: девять восемьсот. Сколько у меня на счетах, знают двое: я и банк. Нине Сергеевне я этих цифр не называла, чтобы не волновалась. Матери — чтобы не обрадовалась. После взноса там останется больше, чем уйдёт: без подушки на счёте я не засыпаю, даже если в кровати их три.

Самое странное, что недвижимостью я никогда не хотела: у меня нет ни любимого района, ни мечты о камине, ни папки с картинками кухонь. Я как-то звонила Римме Аркадьевне спросить, можно ли повесить полку в ванной. Две дырки в стене, блядь. Взрослая женщина стоит с рулеткой и ждёт, разрешат ли ей поставить шампунь повыше. Я хочу, чтобы в моей жизни не осталось человека, который может позвонить и назвать число. У банка число тоже есть, но оно стоит в договоре, и передвинуть его могу только я, в свою сторону. Деньги я всегда копила именно на это. До вторника я не знала, как это называется.

Была одна сложность. Восемь лет я сижу за столом с той стороны, где продают. Знаю, как пишется предложение, куда в нём убирают неудобное и в какой момент произносят «решать надо сегодня». Теперь мне предстояло сесть напротив. Покупателем я не была ни разу, если не считать машины, кресла и туфель, поэтому заранее не доверяла никому. Я слишком хорошо знаю, что мы, продажники, умеем.

До тридцатого ноября оставалось семьдесят девять дней. Автосалоны я вела с июля, и это считалось быстро. Я дописала внизу: «Купить. До 9,8. Своих 40 %. Банк на 15 лет, платить как за 7 лет. До 30.11» — и прилепила квитанцию магнитом на холодильник. Свет, кстати, надо было оплатить.

Объявление о продаже квартиры — тоже коммерческое предложение, только пишут его люди, которых этому не учили. Я сама составляю такие тексты и главное правило знаю наизусть: прилагательным закрывают место, где должна стоять цифра. Если пишут «просторная», метраж лучше не называть. Если пишут «светлая», больше похвалить нечего. За два вечера я пролистала на ЦИАНе и Авито двести с лишним объявлений и начала составлять словарь. Потом я включила фильтр. Двухкомнатная, кирпич, не первый этаж и не последний, кухня с дверью, ванна, а не поддон с занавеской. До офиса не больше двадцати минут на машине, цена до девяти восьмисот. Осталось сорок три объявления. Девять из них были одной и той же квартирой под разными фотографиями. В шести трубку взяли люди, которые «эту уже продали, но есть другая, ещё лучше». Остальное я свела в таблицу: адрес, метры, цена, этаж и столбец под названием «перевод».

Со звонками было хуже. По четвёртому номеру мужской голос поинтересовался, с мужем ли я приеду смотреть.

— Я приеду с деньгами. Этого достаточно?

Он подумал и решил, что достаточно, но в голосе осталось сомнение. Я записала на полях: женщина с деньгами и без мужа у этих людей проходит как неполный комплект документов. Риелтора нанимать я не стала. Платить агентству пару сотен тысяч за то, чтобы мне пересказывали объявления с ЦИАНа и открывали чужие двери, я не собиралась. Смотреть я умею сама, а юриста возьму под конкретную квартиру, когда будет что проверять.

В четверг я позвонила Римме Аркадьевне и отказалась. Спасибо, нет, съеду до тридцатого. Она расстроилась искренне.

— Жалко, Василисочка. Я так надеялась, что в хорошие руки.

Квартиру она отдавала, как отдают кота. Я пообещала оставить после себя порядок и чистые окна, и на этом мы попрощались до ноября.

В тот же день я дописала записку для генерального. Крайнов был прав хотя бы в одном: она правильная. Три страницы на втором языке, без единого матерного слова. Лист с предельно существует в одном экземпляре и только на бумаге. Подписи ставятся лично, под запись в журнале. «Карман» в лист не вносится вообще. Исполняющий обязанности не согласует в одиночку. Копий нет: кому надо прочитать, приходит и читает. Я перечитала и представила, сколько раз в день теперь придётся вставать со стула и ходить за подписями. Идея моя. Земля мне пухом.

В пятницу в четыре я отнесла записку Зорину. Обычно я вижу этого человека раз в квартал, а тут второй раз за неделю, и к такой частоте я была не готова. Он прочитал при мне все три страницы, не отрываясь. Потом поднял глаза.

— Вам самой по этим правилам будет удобно работать, Василиса Дмитриевна?

— Нет, Михаил Романович.

— Хорошо. — Он снял очки. — Значит, правила настоящие.

Я вышла из кабинета с ощущением, что меня похвалили и приговорили одним предложением. Копию, как велели, оставила Чернову. Кристина приняла её двумя пальцами и поздоровалась первой.

Переписка тем временем шла своим чередом. В среду утром пришло «Доброе утро». Я не ответила: на «доброе утро» я не отвечаю никому. В четверг пришло другое.

«Утро. Без оценки».

Я смотрела на экран долго. Пупсик не обиделся, не переспросил и не поставил три вопросительных знака. Блядь, до чего дошла: радуюсь, что мужик с утра не ебёт мозг.

«Принято», — ответила я.

В пятницу он спросил по делу.

«Что едят на втором этапе?»

«Грузинское. Ты хотел».

«Я хотел две недели назад».

«Значит, проголодался».

Суббота, одиннадцать, два пакета: у Нины Сергеевны расписание не менялось. Она сверила покупки со списком, признала кефир тем самым и только после этого разрешила мне сесть. В тетрадке с давлением за неделю не было ни одной цифры, к которой я могла бы придраться. Сырники уже стояли на столе.

— Меня из квартиры просят, — сообщила я, когда она убрала творог в холодильник.

— Кто?

— Хозяйка. Продаёт. До первого декабря надо съехать.

Нина Сергеевна сняла очки, протёрла их краем фартука и надела обратно. У неё это вместо паузы.

— И что ты?

— Квартиру покупать буду.

— Давно пора.

— Вы хоть удивитесь для приличия.

— А зачем? — Она подвинула ко мне сметану. — Ты девять лет живёшь так, будто тебя завтра попросят. Вот попросили. Чему тут удивляться?

Я промолчала. Спорят с неправдой, а тут было не с чем.

— Денег хватит? — уточнила она.

— На нормальную хватит. На такую, как сейчас, нет.

— Нормальная — это какая?

— Своя.

— Тогда хорошо, — постановила Нина Сергеевна и положила мне второй сырник. Я съела его и выложила то, что носила с четверга.

— Куплю — выпишусь от вас. Сразу, как оформлю.

— Это ещё зачем?

— Так положено. Есть у человека своя квартира — он в ней и прописан. А вам освобожу площадь.

— Ты мне её не занимаешь. — Нина Сергеевна посмотрела на меня поверх очков. — У меня тут твоей площади — одна строчка в бумажке. Пусть лежит.

— Нина Сергеевна...

— Сиди где сидишь. Купишь — тогда и поговорим. А может, и тогда не поговорим.

Спорить с ней я умею. Выигрывать — нет. Девять лет я считала её адрес в моём паспорте временным: пока не встану на ноги. Нина Сергеевна, похоже, никаких сроков не назначала.

— Третий будешь?

— Не буду. У меня вечером ужин.

— С тем, у которого хорошие зубы?

— С ним.

— Привет ему по-прежнему не передавай.

— Рано?

— Сначала посмотри, как он ест. Потом расскажешь.

К половине седьмого я была готова. Линзы, тёмно-зелёное платье, духи из тех, что в офис не ходят, и белые кеды. Каблуки остались дома: сегодня платила я, а не мне. Перед выходом я ещё раз посмотрела в зеркало. Охуенная. Платье тоже ничего. Квитанцию с холодильника я сняла и убрала в ящик. При чужих я убираю всё. Пить не собиралась: я была за рулём, и на втором этапе голова нужна ясная.

Пупсик уже сидел за столиком у окна и встал, когда я вошла. Серый джемпер, из-под ворота белая футболка, тёмные джинсы, ни одной надписи. Вещи были как по мерке. У студентов такое бывает: денег мало, поэтому берут одну хорошую вещь вместо пяти плохих и носят её аккуратно.

— Результаты, — потребовала я раньше, чем нам принесли меню.

Он достал телефон, открыл письмо и положил передо мной. Та же печать клиники, что у меня, те же десять строчек. Я прочитала все десять, а не первую и последнюю. Не обнаружено, не обнаружено, отрицательно. Потом подняла глаза к шапке. В шапке анонимного бланка было две строки: номер заказа и «Пациент: Артём П.».

— П.?

— Там сказали, можно анонимно, фамилия по желанию. — Он пожал плечами. — Желания не было. А буква осталась.

— И что она означает?

— Пупсик. Ты же сама назначила.

Человек записался к венерологу под кличкой, которую получил за пять дней до этого у входа в стриптиз-клуб. Я хотела сказать, что это идиотизм, но промолчала. Тот, кто не раздаёт свою фамилию там, где её не требуют, как раз умный. Оставалось проверить, его ли это бумага.

— Квитанцию.

Он уже держал её в руке: сложенный вчетверо листок из бумажника.

— Я подумал, что ты спросишь.

Я развернула. Девятнадцатое августа, начало восьмого, сумма, номер заказа. Тот же номер стоял под штрихкодом на бланке, до последней цифры.

— Годится. — Я вернула ему телефон и квитанцию. — Теперь это документ.

— А твои?

Я прокрутила своё письмо до десяти строчек и повернула к нему экран. Правила для двоих. Он тоже прочитал все десять, а выше листать не стал. Воспитанный. Или просто не продажник.

Я взяла харчо. Он заказал двенадцать хинкали, ел руками, как положено, и джемпер не пострадал. Нине Сергеевне будет что доложить. Между шестым и седьмым он показал мне фотографию: локоть, синяк на пол-локтя, в углу дата.

— Двадцать второе августа. Компенсация.

— Хороший синяк. Качественный. Во сколько оцениваешь?

— В десерт.

— Здесь на десерт пахлава.

— Тогда в два десерта.

Пахлаву я ему заказала. Когда унесли тарелки, я перешла к главному.

— Теперь условия.

— Ещё?

— Те были медицинские. Эти организационные.

— Слушаю. — Он откинулся на спинку стула и сложил руки, как на лекции.

— Звоню я. Встречаемся, когда удобно мне. Мы не пара. Это для здоровья: не для ЗАГСа, не для статуса «ВКонтакте» и не для знакомства с мамой. Я тебе ничего не обещаю, ты мне ничего не должен. Захочешь уйти — скажешь словами, а не пропадёшь. Я поступлю так же.

— А если мне будет удобно в другой день?

— Скажешь. Я рассмотрю.

— А цветы можно?

— Зачем?

— Низачем. Можно?

— Мне их ставить некуда.

— Значит, маленькие, — заключил он.

Я не нашлась, что на это ответить, и сделала вид, что не слышала. Счёт принесли в кожаной папке и положили, разумеется, перед ним. Я подвинула папку к себе раньше, чем он протянул руку.

— Вась.

— Ресторан был мой долг, а долги я закрываю сама.

Пупсик подумал. У него это заметно: он не хмурится и не спорит, а просто молчит две секунды и выдаёт решение.

— Хорошо. Тогда я должен тебе ужин.

— Ты мне ничего не должен, мы только что это...

— Это не тебе. Это мне. Для здоровья.

Сука. Я расплатилась и оставила чаевые. Когда мне нечем крыть, я человека либо увольняю, либо беру на работу. Этого я, похоже, брала.

— Машина за углом, — хмыкнула я. — Едем ко мне.

Он не спросил ни «ты уверена», ни «а может, ко мне». Встал и придержал дверь. За три года сюда входили Лера с Аней, дважды, и сантехник. Сегодняшний шёл по другой статье. Он разулся без напоминания, огляделся и остановился перед креслом.

— Это что?

— Массажное кресло.

— Серьёзное, — оценил он с уважением. — Можно?

— Нельзя. Оно здесь дольше тебя и старше по званию.

— А диван?

— Диван можно.

Пупсик сел рядом. Я повернулась к нему, собираясь что-то сказать, и забыла что. Ну охуенно. На работе рот не закрывается, а тут закончились слова. Он не торопил. Убрал прядь у меня со щеки и задержал руку — ненадолго, будто оставляя мне время передумать. Я взяла его за ворот джемпера и притянула к себе. С первого раза мы стукнулись зубами.

— Блядь.

Он тихо засмеялся.

— Очень романтично, — заметила я.

— Зато искренне.

Вторая попытка получилась лучше. Под поясницей собралась складка пледа. Я поёрзала, потянула его из-под себя. Он сразу отодвинулся, помог высвободить край и подождал, пока я устроюсь. Надо же. Видит, что неудобно, — двигается. Без обиды на лице. Элементарная, казалось бы, комплектация, а хрен найдёшь.

— Иди сюда, — позвала я.

Пупсик вернулся, и я поймала себя на том, что улыбаюсь ему, даже спрятать не успела. Он целовал медленно. Не лез языком в гланды, не мял мне затылок, как кочан, — просто целовал и замечал, как я отвечаю. Оказывается, можно вполне убедительно высказаться и без слов. На планёрках бы так. Я потянула его джемпер вверх. Футболка поехала следом, он поднял руки, помогая, и всё это вместе застряло у него на голове. Мы опять засмеялись. Потом он выбрался, растрёпанный, и я перестала смеяться. Широкие плечи. Тёплая кожа под ладонями. Я провела руками по спине, чувствуя, как двигаются мышцы, остановилась у пояса джинсов. Он выдохнул мне в шею. Ага. Вот так тебе нравится.

Моё платье он снимал медленнее. Нашёл молнию на спине, потянул — и останавливался на каждом сантиметре: целовал ключицу, плечо, с которого сползла лямка. Щетина царапнула кожу, и я невольно выгнулась. Он замер на секунду, посмотрел на меня. Нет, всё правильно. Продолжай. Лифчик он расстегнул одной рукой, не глядя. Ну конечно, годы тренировок, видимо, не прошли даром. Его ладонь легла мне на грудь, а большой палец прошёл по соску. Так. Этот маршрут я уже знала. У предыдущих кандидатов он почему-то считался обязательным. Иногда хотелось спросить: вы меня вообще замечаете или каждый вспоминает, как у него однажды хорошо получилось?

— Подожди, — попросила я. — Мне нравится по-другому.

Он остановился и посмотрел на меня. Я на секунду замялась. Сейчас начнётся. «А всем нравилось». Поздравляю, блядь. Передавайте всем привет. Но он ждал. Спокойно, без выражения оскорблённого профессионала. И я объяснила. Оказалось, можно обычными словами, без извинений и предварительной похвалы.

— Так? — уточнил он.

— Да.

Он не стал ничего изображать. Просто убрал руку с груди — и пошёл туда, куда я сказала. Губами по шее, под ухо, — меня тряхнуло, как от тока, и я услышала собственный стон — низкий, непривычный. Он тоже услышал. Поднял голову, и по его лицу было совершенно понятно: доволен. Вот же самодовольная морда. Я притянула его обратно, не давая времени насладиться победой. Он вернулся к шее — и вдруг взял меня за плечи и развернул к себе спиной. Я не поняла зачем, собиралась сказать, что не подписывалась на подобные эксперименты и поза догги-стайл не входит в мои предпочтения, когда его язык оказался между лопатками. Я перестала дышать и зажмурилась. Чёрт, парнишка знает, что делает.

Губами, потом языком, медленно вдоль позвоночника вниз, до самого края трусиков. Я вцепилась в спинку дивана и забыла, что хотела съязвить. Он провёл ладонями по моим бокам, и я почувствовала, как он дышит мне в спину. Я уже решила про себя: да похуй, потрахаемся, как собаки. Но он удивил меня снова, развернул обратно, лицом к себе, и уложил на диван — просто, одним движением. Я хотела спросить, мы сексом собираемся заниматься или акроба-

тические номера репетируем, но вопрос застрял в горле, потому что он пошёл ниже по животу — не «обозначил маршрут и поехал», а по-настоящему: губами, языком, дыханием вокруг пупка и ниже, до кромки кружевного белья.

Потом — внутренняя сторона бедра. Он поцеловал — и у меня всё внизу живота сжалось в один горячий узел. Провёл языком по бедру вверх, медленно, в сторону. И ещё раз. И ещё, каждый раз ближе, и я сама развела ноги шире, не думая, и тихо сказала «блядь». Он взялся за кружево и потянул вниз по ногам — медленно, как снимал всё остальное, — и на мне не осталось ничего. А на нём — джинсы. Несправедливо. Мы возились с его ремнём, пуговицей, молнией, с этим идиотским пледом, который опять оказался подо мной. Я ударила локтем о подлокотник и выругалась. Он снял носки — отдельное спасибо, я это ценю, — потом стянул джинсы одним движением вместе с нижним бельём, подхватил меня под колени и помог устроиться удобнее.

Я посмотрела на то, с чем предстояло работать, и на секунду перестала соображать. Про размер врут все. Мужчины — в большую сторону, женщины — что он не важен. Важен. Маленький член не трагедия, просто непонятно, что с ним делать: на ёлку не повесишь, в рамку не вставишь, а для остального — ну такое себе счастье. У меня бывали кандидаты, у которых всё было на пятёрку — и характер, и чувство юмора, и фигура, — а потом снимались штаны, и я думала: ну ладно, человек-то хороший. Здесь «ну ладно» не понадобилось. Я подумала «ого». Потом — «это всё мне?». Потом, совсем некстати, — «а поместится?». Джепот мне до сих пор не выпадал.

— Охренеть, — только и смогла произнести я.

Уши у Пупсика порозовели, но прикрываться он не стал. Красоваться тоже. Просто дал рассмотреть. И я смотрела, не отрываясь, пока не поймала себя на том, что облизываю губы, как дура у витрины. Спокойно, Василиса. Не пялься. Не пялиться не получалось.

Сначала я подстраивалась под него. Потом он поймал моё движение, и больше не приходилось ничего согласовывать — мы просто двигались, горячо, кожа о кожу, диван скрипел под нами на каждом движении, и мне было плевать на соседей. Внешние данные кандидата подтвердились в полном объёме. С инициативой тоже всё в порядке. И ни одного «тебе хорошо?» голосом человека, который заполняет анкету. Хорошо мне, блядь. Вот даже замечаний нет. Непривычно.

В воскресенье я проснулась в начале десятого, без будильника и не по диагонали. Диагональ была занята. Пупсик спал вдоль, на самом краю, на диванной подушке, за которой, видимо, ночью сходил сам. Мои три лежали там, где я их оставила: одна под головой, вторая в обнимку, третья между коленей. Ни на одну он не покусился. Я полежала и провела ревизию. Спина не болела. Голова была пустая и лёгкая, как в первый день отпуска. Организм, подавший заявку ещё в августе, получил всё по списку и претензий не имел. Оставался второй вопрос, важнее первого. Чужой человек в моей квартире, в воскресенье утром, когда я ни с кем не разговариваю. Я прислушалась к себе, как прислушиваются к двигателю после ремонта. Ничего не стучало. Человек не раздражал.

Пупсик ушёл в одиннадцать. Без намёков, допив кофе, который сам и сварил: турку он нашёл с первой попытки.

— Сахар? — спросил он от плиты.

— Не кладу.

— Запомню.

— Запоминать необязательно.

— Мне нетрудно.

В дверях он не спросил, когда увидимся. Сказал «позвонишь», и не вопросом. В полдень у меня был первый просмотр квартиры.

«Уютная двухкомнатная квартира» ждала меня у Савёловской, на пятом этаже, за девять сто. Показывала её девушка по имени Алина, которая каждое предложение заканчивала так, будто вручала мне приз. Уютной квартира была в том смысле, что в ней всё находилось рядом. Тридцать девять метров на две комнаты, причём вторая получилась из первой при помощи шкафа. Кухня — пять метров, холодильник стоял в коридоре.

— Зато на кухне просторнее! — объяснила Алина.

— А вторая комната где?

— Вот! — Она показала за шкаф. За шкафом стояла кровать и больше не помещалось ничего, включая человека, который захочет её застелить. — Зато всё под рукой!

— Под рукой у меня здесь будет противоположная стена.

— Многим нравится!

— Верю. Я и в плацкарте ездила. Жить там не осталась.

Алина просияла: по-моему, из всего сказанного она расслышала только «верю». Я поблагодарила её и в машине заполнила первую строчку словаря. Уютная — маленькая.

В два часа меня ждал «исторический дом» в переулке у Новослободской. Девять семьсот, третий этаж, потолки три двадцать. Риелтора звали Эдуард, он был в шарфе, несмотря на тёплый день, и говорил о квартире так, будто продавал её вместе с эпохой. Лепнина родная. Двери родные. Подоконники такие, что на них можно жить. В этом доме, сообщил Эдуард, понизив голос, бывал Маяковский. Я посмотрела на потолок. По потолку к люстре шёл витой провод на фарфоровых роликах.

— Проводку, я смотрю, тоже он тянул.

— Это аутентичная деталь, — произнёс Эдуард с достоинством.

— Она под напряжением?

— Разумеется. Дом жилой.

Дальше аутентичного прибавилось. Газовая колонка в ванной, ровесница лепнины. Перекрытия деревянные, о чём Эдуард сказал «тёплые». Пробки в щитке кто-то усилил проволокой.

— А соседи кто? — поинтересовалась я.

— Интеллигентнейшие люди. Профессор, вдова дипломата, семья музыкантов.

— И как они переносят проводку?

— Привыкли, — ответил Эдуард после паузы.

Вторая строчка словаря: исторический дом — проводка тоже историческая.

Вечером я стирала, готовила на три дня и ни с кем не разговаривала: воскресенье. Турка стояла на сушилке. Я убрала её в шкаф. Как Пупсик её держал, я почему-то запомнила. В десятом часу телефон на кухне звякнул.

«Вечер. Без оценки».

«Утро оценено», — написала я.

«И как?»

«Проходной балл».

«Мне хватит», — ответил он и больше в тот вечер ничего не писал.

В понедельник на экране появилась первая зелёная строчка, Жаннина: клининговая компания заплатила за квартал вперёд. Смотрели на неё, как на первый подснежник. К обеду отдел знал, что я ишу квартиру: стены у аквариума стеклянные, а слово «санузел» мои слышат даже через закрытую дверь. Советы начались сразу.

— Перекрытия смотри, — произнёс Илья, не отрываясь от схемы. — Деревянные не бери. У нас сосед сверху ронял гантель, так люстра полдня качалась.

— Выше пятого этажа не надо, если лифт один, — добавила Жанна.

— Вась, у меня друг риелтор... — начал Серёжа.

— Серёж, у тебя друг везде. Поэтому нет.

Он не расстроился. Друг у него, по-моему, образовался только что, пока он договаривал фразу.

В семь вечера у меня был третий просмотр, и на него со мной поехала Лера. Узнала она обо всём в воскресенье, из одного моего сообщения, перезвонила через минуту и задала единственный вопрос:

— Сколько у тебя?

— До девяти восьмисот. Сорок процентов мои, остальное банк.

— А всё своими слабо?

— Не слабо. Глупо. Квартира будет, денег не будет.

— Вась, — произнесла тогда Лера с чувством. — Ты единственная женщина из моих знакомых, которая сама себе папик.

У самой Леры за десять лет в Москве набралось четыре квартиры, и все четыре она сдавала. Началось с жилья, которое ей покупали мужчины. Дорогую квартиру Валерия могла продать, взять попроще, а разницу отложить на следующую покупку. Ремонт делала без дизайнерских подвигов: чтобы было чисто, удобно и ничего не отваливалось. После нескольких таких ремонтов она знала, на чём можно сэкономить, а за что потом придётся платить дважды.

Сама при этом жила в съёмных. Каждый новый мужчина знал, что собственного жилья у неё нет. О том, как над этим вопросом поработали предыдущие, Лера не распространялась. Квартиры называла своей пенсией: хотела хорошо жить и тогда, когда уже не захочется никому нравиться. Все четыре были заняты жильцами и каждый месяц приносили деньги, за которые не требовалось быть красивой, весёлой и свободной вечером. Я откладывала на квартиру. Лера откладывала квартиры.

На Дмитровскую она приехала на такси, в светлом плаще, и риелтор, полная женщина с папкой, сначала решила, что покупает Лера. Квартира шла за восемь шестьсот, и в объявлении значилось: «требуется косметический ремонт». Хозяйка умерла зимой, продавал племянник. Дверь открыли, и Валерия взяла меня за локоть.

— Стой.

Мы остановились на пороге. Перед нами была прихожая с вешалкой, трюмо, коврая дорожка и дальше комната: сервант, хрусталь, ковёр на стене, кресла под покрывалами. Чисто, тихо и ничего не тронуто года с семьдесят восьмого. Лера молчала секунд десять. Так она смотрит на чужую сумку, прежде чем назвать цену и год.

— Проводка, трубы, полы, окна, двери, сантехника, плитка, — перечислила она. — Стены ровнять. Потолок посмотрим. Два миллиона, если мебель вынесут сами. Два двести, если выносить тебе.

— Здесь только косметика! — возмутилась риелтор.

— Косметика — это когда есть лицо, — отрезала Лера. — А тут сначала хирургия.

— Квартира в жилом состоянии!

— Она не в состоянии. Она устала. — Лера наконец шагнула внутрь и тронула пальцем обои. — Не грязная, не убитая. Уставшая.

Я прошла на кухню. На столе лежала клеёнка с грушами, возле плиты стояла солонка с пластмассовой крышкой. Подоконник был заставлен пустыми цветочными горшками.

— Окно можно открыть?

— Конечно, — разрешила риелтор. — Всё работает.

Я повернула ручку и потянула раму. Рама не пошла. Потянула ещё раз, придерживая второй рукой подоконник.

— Его давно не открывали, — пояснила женщина.

Лера подошла, посмотрела на несколько слоёв краски по краю и трогать ничего не стала.

— До замены я бы уже и не начинала.

Я отпустила ручку. Ещё не хватало купить квартиру потому, что оторвала от неё кусок. Под мойкой стояли ведро, банки с какой-то засохшей краской и лежала тряпка. Лера присела, посветила телефоном в глубину шкафа и поднялась, отряхивая колени.

— Сюда мастера надо приводить. Пусть смотрит, что там с трубами.

— Так цена с учётом ремонта, — заметила риелтор. Уже без возмущения. — Готовая квартира в этом районе стоила бы совсем других денег.

Тут она была права. Я достала телефон и открыла калькулятор. Сорок процентов от восьми шестисот — три миллиона четыреста сорок. Ещё два на ремонт, если Лера не ошиблась. Пять четыреста сорок своих денег, прежде чем я сюда нормально въеду. Без новой мебели. И без тех прекрасных открытий, которые случаются, когда снимают старую плитку. Заебись. Ипотека меньше, а из кармана сразу вынь больше. Именно ради этого я, конечно, и берегла запас.

— Можно делать постепенно, — предложила риелтор. — Сначала одну комнату, потом другую. Здесь же жили.

— Жили, — согласилась я. — А я здесь буду после работы штукатурку с макарон сдувать.

— На время ремонта кухню можно закрывать.

Я посмотрела на дверь. Она стояла приоткрытой, потому что в пол упирался нижний угол.

Лера поймала мой взгляд и ничего не сказала. Спасибо. Иногда от подруги требуется именно это.

Я вернулась в комнату. В серванте за стеклом стояли рюмки, которыми, судя по их количеству, когда-то пользовались большой компанией. Одно кресло было продавлено сильнее другого. На его подлокотнике покрывало аккуратно подвернули, чтобы не сползло. Смеяться больше не хотелось.

— А вещи племянник заберёт?

— Что-то заберёт. Остальное можно оставить, если вам нужно.

Мне не было нужно. И произносить это здесь почему-то было неловко. Банки в кладовке стояли по росту, на трюмо лежала расчёска. Человек прожил здесь жизнь, а я ходила и считала, сколько будет стоить всё это вынести. Расчёску даже не убрали. Квартиру уже продают, а расчёска лежит. Я закрыла кладовку.

— Спасибо. Я подумаю.

Лера посмотрела на меня и первой пошла к выходу. Покупать чужую жизнь, чтобы потом вывозить её контейнером, я была не готова, и не из-за двух миллионов. Третья строчка: косметический ремонт — сначала эвакуировать прежнюю жизнь.

В машине Лера пристегнулась и повернулась ко мне.

— Запомни: квартиру, как и мужчину, смотрят утром. Вечером всё выглядит лучше, чем есть.

— Утром я работаю.

— Значит, в воскресенье. Но при дневном свете.

— Учу.

— Теперь главное. Второй этап был?

— Был.

— И?

— Рекламаций нет.

— Вася. Я спрашиваю как подруга, а ты отвечаешь как склад.

— Хорошо. Как подруге: в воскресенье утром он был у меня дома, и я не захотела его убить.

— О господи. — Лера развернулась всем корпусом. — Это серьёзнее, чем я думала.

— Это для здоровья.

— Для здоровья, Вась, ходят на пилатес. Покажи его.

— Он не выставочный образец.

— Тем более покажи.

Я пообещала подумать, то есть отказала. Лера это поняла. Ждать она умеет лучше меня.

Во вторник просмотр не было, был бокс. На втором раунде тренер остановил меня ладонью.

— Ты считаешь.

— Метры.

— Считай удары. Метры тебе сдачи не дадут.

В среду я уехала из офиса в шесть и успела на два адреса. Первый стоял в таблице с пометкой «пять минут до метро». Мне метро не нужно, я на машине. Но если человек округляет дорогу, я хочу знать, что ещё он округлил. Машину я оставила у «Тимирязевской» и засекала время. Четырнадцать минут. У подъезда ждал мужчина в спортивной куртке.

— Четырнадцать, — сообщила я ему.

— Это вы шли прогулочным. Быстрым шагом — пять.

— Быстрым шагом — девять. Пять — это если тебя преследуют.

Он засмеялся и повёл меня вверх.

Квартира была нормальная. В прихожей можно было снять пальто, не запихивая локоть в соседскую квартиру. Обе комнаты отдельные, ванна полноценная, холодильник на кухне. После воскресенья я уже ценила, когда бытовые приборы находятся там, где их ожидаешь. Я прошла в большую комнату, открыла окно, послушала. Закрыла. Вернулась в коридор.

— Ремонт свежий, — сообщил мужчина. — Можно заезжать.

Обои мне не нравились. Светло-бежевые, с завитушками. Я посмотрела на них ещё раз и решила, что с завитушками как-нибудь договорюсь. Они хотя бы молчали. Кухня закрывалась дверью. Я специально проверила: закрыла, открыла. Мужчина наблюдал с лёгким удивлением. Подожди, дорогой. Я сегодня ещё скромно себя веду. После следующего просмотра, возможно, начну ложиться в ванну. Восемь метров по объявлению. На вид меньше. Рулетку я с понедельника носила в сумке. Сумка от этого приятнее не стала, зато появилась возможность проверять чужой оптимизм.

— Можно?

— Да измеряйте, конечно.

Я измерила. Потом ещё раз. Два на три двадцать. Шесть сорок.

— По документам восемь, — заверил он.

— По документам у вас и до метро пять минут.

— Ну, дорога — это кто как ходит. А метраж мне такой дали.

— План есть?

Он достал телефон, полистал фотографии, заглянул в переписку.

— Сейчас не найду. Могу потом прислать.

Я убрала рулетку. От того, что он найдёт фотографию, стены не разойдутся. У окна стоял стол. Я выдвинула стул, села, посмотрела на холодильник. Чтобы открыть нижнюю дверцу, мне пришлось бы встать.

— Стол можно меньше поставить, — заметил мужчина.

— Можно.

— Или откидной. Сейчас хорошие делают.

Я поднялась и задвинула стул. Между мойкой и плитой оставалось место под разделочную доску. Под одну. Если поставить рядом кастрюлю, доску придётся куда-нибудь переселить. Я готовлю на три дня. Это кастрюля, сковородка, продукты, которые надо куда-то положить, и я, которая тоже, сука, занимает место.

— Здесь семья жила, — добавил он. — Три человека. Помещались.

— Я верю.

И действительно верила: люди много где помещаются. Я вон тоже села, а потом встала, чтобы холодильник открыть. Очень деятельная жизнь намечается. Я ещё раз заглянула в комнаты. Нормальные комнаты. Нормальная ванна. Даже завитушки уже не раздражали. На секунду захотелось согласиться: ладно, с кухней потом разберусь. Потом — это после того, как я заплачу. Охуенный момент для знакомства с собственными неудобствами.

— Спасибо, — сказала я. — Но кухня для меня маленькая.

— Вы подумайте. В остальном же подходит.

Я кивнула. В этом и была вся пакость: в остальном подходило.

Последним в тот вечер шёл «тихий зелёный двор». Двор действительно был тихий и зелёный: клёны, скамейка, кошка на капоте. Беда в том, что ни одно окно квартиры туда не выходило. Все три смотрели на Дмитровское шоссе, и шоссе смотрело в ответ. Хозяин, пожилой мужчина в жилетке, встретил меня у открытого окна.

— К шуму привыкаешь за неделю! — прокричал он.

— А вы сколько привыкали?

— Что?

— Сколько вы привыкали?!

— Двадцать лет!

Я прокричала, что верю, и ушла, пока не привыкла тоже.

Домой я вернулась в десятом часу, сняла костюм и села с таблицей на кухне. В столбце «перевод» за день прибавилось две строки. Пять минут до метро — если тебя преследуют. Тихий двор — вашим окнам туда не надо. Ниже я дописала то, на что даже не поехала: хватило телефона. Развитая инфраструктура — шаурма под окном, круглосуточно. Торг уместен — цену брали с потолка, причём с высокого. Срочная продажа — торопиться должны вы.

Пять квартир за четыре дня, и ни одной, блядь, своей. Я снова открыла фотографии той, у Тимирязевской. На снимке кухня выглядела вполне прилично. Стул аккуратно задвинут, холодильник закрыт. Никто не пытается одновременно сидеть и доставать сметану. Красота. Может, я действительно доёбываюсь?

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на свою кухню. Слева стояла чашка, справа лежал телефон, передо мной был ноутбук. На плите — кастрюля. Ничего не требовалось убрать, чтобы достать что-нибудь ещё. Я привыкла к этому настолько, что даже не внесла в список. Внесла. Место, чтобы готовить и есть без перестановки мебели. Потом вернулась к цене квартиры на Дмитровской. Рука сама потянулась к калькулятору. Так. Мы это уже считали. От повторного сложения ремонт бесплатным не станет. Я закрыла объявление.

Работа у меня такая — искать, на чём можно договориться. Здесь уступить, там попросить, тут пережить, потому что в остальном предложение хорошее. Вот я и дома села сама себя уговаривать. Ещё бы позвонила себе завтра и спросила, что мешает принять решение. Блядь, Вася. Тебе там жить. С бежевыми завитушками я готова была мириться. С маленькой кухней — нет. С чужой мебелью можно разобраться. Делать капитальный ремонт между работой и сном я не собиралась. И злиться всё-таки было на кого. «Уютная» — это они стараются продать. Восемь метров вместо шести сорока — это уже рассчитывают, что я не проверю. Я тоже пишу клиентам «оптимальное решение», но количество в счёте от этого не увеличивается.

Я взяла чистый лист и выписала на него то, на чём больше не хотела уступать. Кирпич. Этаж с третьего по шестой. Окна во двор, и чтобы двор был с моей стороны. Кухня с дверью и местом для нормальной жизни. Ванна. И чтобы квартира до меня жила, а не стояла. Раньше я хотела просто адрес. Теперь я хотела квартиру, и это было неудобно: тому, кто чего-то хочет, продавать легче.

В одиннадцатом часу я набрала Пупсика.

— Завтра, девять. У меня.

— Буду. Что привезти?

— Себя.

— А подушку?

— Диванная за тобой закреплена.

Он засмеялся. Я отключилась и пересчитала строчки. Словарь пока вёл со счётом восемь — шесть.

Утро четверга в офисе я начала с логистики. Мебель во второй автосалон обещали привезти к десятому, десятое наступило, и мне хотелось знать, наступила ли вместе с ним мебель. Машина была на месте. Разгружались. Я уточнила, всё ли приехало, попросила сообщить после приёмки и только тогда открыла почту. Договор я подписала первого сентября. Ответственность почему-то не закончилась вместе с подписью. Каждый раз такая неожиданность.

За стеклом уже работали. Марина разговаривала по телефону и одновременно записывала что-то на обороте распечатки. Жанна сверяла две таблицы, водя ручкой от экрана к листу. Илья стоял у стола Антона с образцом плёнки: они её растягивали, шурились и о чём-то спорили вполголоса. Серёжа закончил звонок, несколько секунд смотрел перед собой, потом очень тихо произнёс:

— Прекрасно, блядь.

Записал результат, набрал следующий номер и совершенно другим голосом сказал:

— Доброе утро. Сергей, компания НАМСОН.

Вот это со стороны обычно и не видно. Человек только что получил пятнадцатое «нам ничего не надо», а шестнадцатому должен позвонить так, будто искренне рад знакомству. Шестнадцатый ни в чём не виноват. Он вообще ещё кофе не выпил, а тут мы со своей бумагой, плёнкой и предложением улучшить ему жизнь. У него уже есть поставщик. Есть телефон человека, которому можно позвонить, когда всё пошло через жопу. Есть привычная накладная, знакомый водитель и уверенность, что коробки привезут к нужной двери. А у нас пока только голос в трубке. И с этого голоса надо начать. Собственно, этим мои и занимались.

Я вышла из кабинета за кофе. Оксана прикрыла ладонью микрофон и показала мне большой палец. До нужного человека добралась. Ещё ничего не продала, даже цену не назвала, но человек согласился разговаривать. Иногда до этого согласия неделю идёшь.

К десяти я добралась до своих новых клиентов и набрала Сергея из Tikkurila. С ним мы пока согласовывали первую поставку складских расходников. На их складе я уже успела побывать и вышла оттуда в хорошем настроении. Меня ждали, знали, зачем я приехала, и могли показать, чем пользуются сейчас. Никто не искал ответственного по трём этажам и не выяснял при мне, кто вообще пригласил эту женщину. Сергей тоже был из тех закупщиков, после разговора с которыми хочется открыть расчёт, а не окно и выйти.

— Василиса, доброе утро. Предложение посмотрел. Доставку вы включили?

— На тот объём, который обсуждали, — да. Отдельной строкой указала, чтобы было видно.

— Вижу. А если первая партия будет меньше?

Я открыла файл.

— Тогда пересчитаю. Сколько хотите взять на пробу?

Он назвал количество. Я записала.

— И по плёнке, пожалуйста, оставьте именно эти характеристики. Нам нужна такая, как в образце.

— Замен без согласования не будет.

— Хорошо. Тогда жду исправленное предложение и подтверждение срока.

Всё. Ни получаса вокруг слова «сотрудничество», ни требования немедленно стать дешевле всех на свете. Человек знал, что ему нужно, и объяснял это словами. Охуенная при-

вычка. Распространялась бы ещё. Я уточнила два пункта, повторила, что и к какому времени пришла, и уже собиралась попрощаться, когда вспомнила про квартиры.

— Сергей, можно теперь вопрос не по работе?

— Конечно.

— Если я решу сама стены красить, у вас есть что-нибудь для человека без специального образования, но с упрямством?

Он засмеялся.

— Найдём. Какие стены?

— Хороший вопрос.

— Уже окрашенные? Обои под покраску? Штукатурка?

— Пока не знаю.

— А помещение какое?

— В перспективе — моя квартира.

— Вы её ещё не купили?

— Я её ещё не выбрала.

На том конце помолчали.

— Зато с краской решили заранее.

— Хотя что-то должно быть понятно.

Он спросил, собираюсь ли я красить кухню или комнаты, хочу ли мыть стены и кто будет готовить поверхность. Вот на последнем вопросе мой воображаемый ремонт немного подорожал.

— Я думала, если стены ровные, можно самой валиком пройтись.

— Можно. Только сначала надо понять, что на них сейчас. Краска сама стену не выровняет. Подготовка там большую часть результата даёт.

Я посмотрела на список квартир. В нём уже были метры, трубы, окна и документы. Теперь прибавлялось то, что под обоями. Такое ощущение, что жильё надо смотреть раздетым.

— А чтобы полос не было?

— И краску подобрать, и валик нормальный взять, и по инструкции работать. Вы сначала квартиру найдите. Потом расскажете, что за стены, я сведу вас с нашим специалистом. Подберём.

— Договорились. А то я уже чувствую, что одним упрямством здесь не обойдётся.

— Упрямство пригодится.

Поговорили ещё минуту и попрощались. Я записала себе «стены — подготовка» и вернулась к его предложению. Было что-то приятное в том, чтобы спрашивать человека, который понимает предмет. Без «ну что вы, девушка, тут любой справится». Я вон тоже могу сказать, что по телефону разговаривать любой умеет. Телефон в руки — и покажи.

После одиннадцати пришло письмо от закупщицы Fonte Aqua.

«Василиса, можете набрать? Обсудим ваш последний вариант».

Я перечитала. Потом открыла переписку. Начало — две тысячи тринадцатый. Два года, блядь. За это время мы успели познакомиться, пересчитать предложение, выяснить, что по одним позициям я не прохожу в цену, по другим не устраивает срок, вернуться к разговору через несколько месяцев и снова всё пересчитать. Я уже знала, в какое время ей удобно звонить и что «после двадцатого» у неё действительно означает после двадцатого. До этого звонить бессмысленно. После — возьмёт трубку и поговорит. Она мне нравилась, хотя поводов послать её мысленно за два года набралось достаточно. Думаю, взаимно. За всё это время — ни одного намёка на откат. Никаких «а лично мне что от этого». Скидку она хотела для компании, в документах, с понятными условиями. Проверяла внимательно, торговалась крепко и помнила, что я обещала в прошлом разговоре. С такой закупщицей приходилось работать.

Именно работать: искать условия, договариваться со снабжением, считать доставку, подтверждать наличие. Зато я понимала, из-за чего проигрываю, и могла что-то исправить. Я набрала.

— Василиса, добрый день. Последний расчёт нас устраивает. Давайте начнём с пробной поставки.

Я выпрямилась в кресле.

— По всему списку?

— Нет. Сейчас пришлю позиции. Если по качеству и срокам всё пройдет нормально, будем обсуждать регулярные закупки.

— Хорошо.

— Цену на эту партию сохраняете?

— Да. Только количество зафиксируем, чтобы я подтвердила резерв.

— Отправлю сразу после разговора. И договор пришлите, пожалуйста.

Договор. Я посмотрела на дату первого письма ещё раз. Захотелось поставить рядом свечку.

— Пришлю сегодня.

— Ну что, пора нам уже поработать.

— Я готова.

Про два года я ничего не сказала. Она и сама знала. Сейчас важно было не торжественно припомнить, сколько я вокруг ходила, а нормально зайти и не обосраться на первой же поставке. Положив трубку, я позвала Илью. Мы ещё раз прошли по позициям. Что есть на складе, что надо подтвердить у поставщика, какие образцы отправляли, какая упаковка согласована. Илья нашёл в расчёте старый срок по одной позиции. Я исправила и отправила запрос в снабжение. Вот ради этого и перечитывают. Клиенту всё равно, кто у нас забыл обновить ячейку. Обещала я.

В половине второго я наконец добралась до еды. Контейнер стоял открытый, вилка лежала рядом, а я уточняла время приёмки у нового клиента. Жанна заглянула в кабинет, посмотрела на контейнер и молча прикрыла за собой дверь. Вернулась через минуту с моей кружкой. Я кивнула ей, продолжая слушать. На обед ушло двадцать минут. Собственно на еду — примерно пять.

После обеда прислали количество из Fonte Aqua, Сергей из Tikkurila подтвердил, что получил исправленное предложение, а из автосалона пришло сообщение: мебель приняли, всё на месте. Я выдохнула и только тогда поняла, что с утра держала это где-то под рёбрами. Дальше были договор, остатки, звонок в снабжение и ещё один — потому что первое «уточняем» ничего не уточнило.

В три я вышла на площадку. Там уже стояли Марина, Серёжа и Илья. Жанна дышала у перил: сама не курит, но чужую личную жизнь на свежем воздухе послушать выходит. Илья держал телефон перед Мариной.

— Вот этот или вот этот?

— Покажи нормально. У тебя бликует.

Он повернул экран, заслонил его ладонью. Серёжа заглянул через плечо.

— Они одинаковые.

— Они разные, — возразила Марина.

Я прикурила и тоже посмотрела. На фотографии были три выкраса на стене. Белый, белый и ещё один белый, за который, судя по серьёзности обсуждения, стоило побороться.

— Это что?

— Кухня. В субботу красим, жена цвет выбирает.

— А ты?

— Я помогаю.

По лицу было видно: помощь затянулась.

— Средний холодный, — сказала Марина. — Смотри, он в серый уходит.
Я посмотрела. Теперь и мне показалось, что уходит. До Марины стоял на месте.

— А первый желтит, — добавила Жанна.

— У нас там лампа жёлтая, — объяснил Илья.

Все ещё раз посмотрели на телефон. Пиздец. Я утром только выяснила, что под краску надо готовить стену. Теперь оказалось, что к стене ещё и лампа прилагается со своим мнением.

— Какой ей самой нравится? — спросил Серёжа.

— Третий.

— Ну так скажи: третий.

— Я уже сказал.

— И?

— Спросила почему.

Серёжа задумался. На этом месте готового ответа у него тоже не было.

— Потому что тебе с ним жить, — предложила я.

— Со мной ей тоже жить. Она хочет, чтобы обоим нравилось.

Он произнёс это совершенно серьёзно, и я кивнула. Ладно. Хорошая у человека проблема. Хотелось бы мне когда-нибудь вот так стоять и мучиться между тремя белыми, потому что кто-то дома учитывает моё мнение. Только вслух я этого, разумеется, не сказала.

— А красить сам будешь?

— Сами. Я стены подготовлю, потом вдвоём.

— Я тоже думаю сама попробовать.

Серёжа медленно повернулся ко мне.

— Что?

— Покрасить стены. Что ты на меня так смотришь?

— Представил.

— И?

— Ты валик один раз прокатишь, скажешь «кто так делает, дай сюда» и отберёшь его у самой себя.

Марина отвернулась к перилам. Жанна даже не пыталась прятаться. Я открыла рот. Закрыла. Сука. Возразить хотелось, материала не было.

— Зато без посредников, — ответила я.

Илья засмеялся последним: ему пришло сообщение. Он прочитал, посмотрел на фотографию, потом снова на сообщение.

— Всё. Взяла третий.

— А почему? — немедленно спросила Марина.

— Сейчас уточню.

— Не надо! — хором сказали мы с Серёжей.

Илья убрал телефон в карман и наконец спокойно затянулся. Решение состоялось, семья уцелела, суббота была расписана. Дверь открылась, на площадку вышел Палыч.

— Чего смеётесь?

— Илье разрешили белый, — сообщил Серёжа.

Палыч посмотрел на него, потом на остальных.

— Я, видимо, поздно.

— Ты вовремя, — успокоила я. — Мы уже тоже ничего не понимаем.

Марина начала объяснять ему про кухню. Илья поправлял, Серёжа показывал пальцами три совершенно одинаковых оттенка, а Жанна стояла рядом и улыбалась. Я докурила и ещё немного постояла с ними. За последние пять минут никому не понадобились мои цена, подпись или решение. Зато меня успели довольно точно обозвать. Отдохнула, в общем.

К шести у меня лежали согласованный список для пробной поставки, отправленный договор и подтверждённый расчёт для Tikkurila. Денег от этих двух клиентов пока не было ни рубля. Работы было на целый день. Я иногда смотрю на ноль напротив фамилии и очень хорошо понимаю, сколько за ним может стоять. Это не повод отменить план. Это повод сначала открыть историю работы, а потом уже открывать рот.

Серёжа как раз дописывал письмо. Я остановилась возле его стола.

— Что с твоими?

Он показал экран. Две встречи, один расчёт, по которому ждали ответ, и согласованный звонок на утро.

— Завтра после разговора зайди.

— Если будет с чем.

— С результатом и зайдёшь. Любим. Будем смотреть.

Дома я была после семи. Сняла костюм, поела, встала под душ. Несколько минут просто стояла под водой и никому ничего не предлагала. Хорошая услуга. Жаль, себе же и оплачиваю.

На часы посмотрела без двадцати девять. Времени хватало. Даже слишком. Я убрала со стола чашку, поправила плед на диване и поймала себя на том, что прислушиваюсь к лифту. Ну давай ещё у двери встань. С табличкой «Пупсик». Встречающая организация, нахуй.

Ровно в девять он стоял у меня на пороге с бумажным пакетом и чёрным рюкзаком на одном плече. В прихожей снял рюкзак и поставил возле обуви. В пакете была пахлава из грузинского ресторана.

— Второй десерт ты мне так и не заказала, — объяснил он. — Я взыскал сам.

— И принёс мне?

— Половину. Вторую я съел по дороге.

Чайник я поставила молча: человек, который делит взысканное пополам, заслуживает хотя бы чая. А пока я доставала чашки, он нашёл на кухонном столе таблицу. Квитанция с девятью восьмьюсот с субботы лежала в ящике, а про таблицу я забыла. Пять адресов зачёркнуто, шестой обведён, сбоку столбец «перевод».

— Ты переезжаешь?

— Покупаю.

— Сама?

— А кто?

Он не ответил и взял листок. Читал внимательно, как меню в незнакомом ресторане, и на последнем столбце засмеялся.

— «Пять минут до метро — если тебя преследуют». Это ты так с продавцами разговариваешь?

— Это я так с ними молчу. Разговариваю я хуже.

— Тут пять зачёркнуто. А шестая?

— Завтра в семь. У Савёловского вокзала.

— Можно с тобой?

— Зачем?

— Посмотреть.

— Я сама умею смотреть.

— Ты мне зубы смотрела. — Он положил таблицу ровно туда, где она лежала. — Я хочу увидеть, что будет с квартирой.

Довод был идиотский. Я перебрала в голове три способа отказать и не воспользовалась ни одним. Во-первых, человек, который возвращает чужую бумагу на то же место, на просмотре хотя бы ничего не уронит. Во-вторых, мне самой стало любопытно, что он там увидит.

— Руками ничего не трогать. Вопросы риелтору задаю я.

— А смотреть?

— Глазами.

— Это я умею.

Я принесла тарелку и переложила на неё пахлаву. Он отодвинул таблицу подальше от липкого пакета, устроился за столом и посмотрел на меня с таким удовольствием, будто я только что предложила ему что-то гораздо интереснее чужой квартиры.

— А если я захочу что-нибудь сказать?

— Скажешь мне.

— Руку поднимать?

— Желательно.

Он поднял руку. Я посмотрела на него.

— Что?

— Ты сядешь?

Я стояла с чашкой возле стола. Сама не заметила. Села.

— Ты всем такой инструктаж проводишь?

— Пока только тебе.

— Уже приятно.

Я отломил кусочек пахлав. Очень хотелось объяснить, что приятного в этом мало, но он и без объяснений всё прекрасно понимал. Просто нравилось ему меня дёргать. Осторожно, двумя пальцами, как проверяют, не горячая ли кастрюля.

— Тебе действительно интересно ходить по чужим квартирам?

— С тобой — да.

Ответил сразу. Даже чай не успел отпить. Ну вот. Я про недвижимость, а он про меня. И что теперь с этим делать? В таблицу отдельным столбцом?

— Там вообще-то скучно.

— Тебе было скучно?

Я вспомнила Эдуарда с родной проводкой и покачала головой.

— Мне было дорого.

Он засмеялся, и я всё-таки рассказала про Маяковского. Сначала про проводку, потом про интеллигентных соседей. Пупсик слушал, задавал вопросы и до последнего держался, а на вдове дипломата положил вилку и закрыл лицо рукой. Я поймала себя на том, что жду, пока он отсмеётся, чтобы рассказать дальше. Заебись. В воскресенье я из этой квартиры вышла злая, а сейчас сижу и радуюсь, что сходила. Материал оказался пригоден для повторного использования.

— Адрес я тебе пришлю.

— Я запомнил.

— Пришлю всё равно.

— Хорошо.

Допили мы уже остывший чай. В таблицу я в тот вечер больше не заглядывала. Спать легли позже, чем собиралась я. Когда собирался он, я не выясняла.

В пятницу будильник зазвонил в семь. Я потянулась к телефону, выключила звук и несколько секунд лежала, прикидывая, что из утренних дел можно отменить без последствий. Работу нельзя. Душ жалко. Краситься в машине я не умею и учиться не хочу. Пупсик пошевелился рядом и приоткрыл один глаз.

— Уже?

— Если ты умеешь договориться с пятницей, самое время.

Он посмотрел на часы и закрыл глаз обратно, потом перевернулся на спину и провёл ладонями по лицу.

— Дай пять минут.

— Тебе к которому часу?

— К девяти.

— Мне тоже. Пять минут есть.

Я встала. Он поймал мою руку, поцеловал пальцы и отпустил.

Вот зачем так делать с утра? У меня расписание.

В ванной я умылась, собрала волосы и вернулась за косметикой. Пупсик уже сидел на краю кровати, взъерошенный и явно не до конца согласный с происходящим.

— Кофе? — спросил он.

— Да. Я пока в душ.

Когда я вышла, на кухне пахло кофе, а в прихожей был раскрыт рюкзак. На банкетке лежали чистая футболка и небольшой дорожный чехол. Пупсик достал из него зубную щётку.

— Подготовился?

— У меня же подушка здесь закреплена.

— Подушка диванная.

— Я не привередливый.

Произнёс он это с совершенно довольным лицом. Выспаться не успел, а нахальство уже проснулось. Пока он был в ванной, я достала хлеб, сыр и яйца. Хотела просто нарезать бутерброды, потом посмотрела на количество продуктов и взяла сковородку. Одним бутербродом этого кормить — только пачкать тарелку. Вернулся Пупсик в чистой футболке, с влажными волосами. Сел за стол и потянулся к хлебу.

— Ты сразу на занятия?

— Да.

— Далеко отсюда до института?

— Минут сорок.

— До метро подброшу.

— Давай.

Ни обсуждения, ни «тебе неудобно», ни попытки доказать, что он сам способен найти подземный транспорт. Договорились. Я поставила перед ним тарелку.

— Только ешь сейчас. Ждать, пока ты доешь, я не буду.

Он поднял на меня глаза, уже жуя. Вопрос снят. За завтраком мы разговаривали мало. Мне надо было проснуться, ему — съесть всё, что я поставила. Задачи друг другу не мешали. Я допила кофе и пошла собираться, а он отнёс тарелки в раковину. В прихожей Пупсик застегнул рюкзак. Перед тем как убрать щётку, переложил тетрадь и проверил боковой карман. Всё-таки студент. Пока сидит у меня на кухне, это как-то забывается. А потом собирает тетрадки на занятия, и сразу становится понятно, у кого сейчас будет учебный день, а у кого — Серёжа.

Из квартиры мы вышли вместе. Я заперла дверь, проверила ручку и заметила, что он ждёт у лифта, придерживая створку.

— Иду.

В машине он поставил рюкзак в ноги и пристегнулся. Я выехала со двора, пропустила пешехода и влилась в утреннее движение.

— Ты по утрам всегда такая молчаливая? — спросил он.

— Пользуйся. К девяти проходит.

Он усмехнулся и повернулся к окну. До метро доехали спокойно. Я остановилась, Пупсик взял рюкзак, потом наклонился ко мне и поцеловал.

— До вечера.

— До вечера.

Аккуратно закрыл дверь, поправил лямку и быстро пошёл к переходу. Я проводила его глазами и посмотрела на часы. Успевала с запасом. Надо же. Мужчина переночевал, позавтракал и уехал по своим делам. Ни одной проблемы, которую надо срочно решать мне. Даже подозрительно.

В офис я вошла без десяти девять. Оксана подняла голову от монитора, поздоровалась и сразу протянула распечатку.

— Тут по доставке уточнили. Я тебе в почту продублировала.

Я взяла лист. Всё. Утро закончилось. Пока компьютер загружался, проверила сообщения: по Fonte Aqua подтвердили получение договора, Сергей из Tikkurila прислал уточнение к пробной партии. Я внесла его в расчёт и переслала Илье проверить наличие.

В девять двадцать заглянул Серёжа.

— С результатом, — сообщил он с порога.

— Заходи.

— В понедельник встреча в одиннадцать. Контакт складского дал, список обещал сегодня прислать.

— Что от нас хочет к встрече?

Он положил передо мной свои записи. Мы прошлись по ним, отметили, чего не хватает для расчёта, и договорились вернуться к предложению после ответа клиента. Серёжа ушёл к себе и сразу начал писать письмо. Ноль у него на экране пока никуда не делся. Но теперь у этого ноля были понедельник, одиннадцать утра и конкретный человек, который его ждал. С этим уже можно работать.

До обеда Володя Хайникен наконец подтвердил сентябрьскую закупку: на двадцать два процента больше прошлогодней, как и грозился. Заодно сообщил, что экскурсию на склад ждёт с нетерпением и уже присмотрел себе каску. Я ответила, что каску выдадут на месте, а нетерпение пусть прибережёт для жены. Отключился он довольный.

К дому у Савёловского я приехала без пяти семь, прямо из офиса: костюм, очки. Во дворе влезла обратно в туфли: с продавцами я разговариваю на каблуках. Пупсик уже стоял у подъезда, руки в карманах, и разглядывал арку, через которую я только что протиснулась, сложив зеркала. Очки он видел второй раз и на этот раз промолчал. Риелтор появилась ровно в семь: женщина лет пятидесяти по имени Лариса Витальевна, быстрая, громкая, с бахилами наготове.

— Молодые люди, надеваем и проходим! Вы для себя смотрите или под сдачу?

— Для себя, — ответила я.

— Чудесно! Для молодой семьи вариант идеальный. Вторая комната — готовая детская!

Я посмотрела на него. Он на меня, и по лицу было видно, что поправлять Пупсик не станет: ему интересно, сколько продержусь я. Я тоже не стала. Объяснять постороннему человеку, кем мне приходится метр девяносто в бахилах, было дольше, чем осмотреть квартиру. Кроме того, семейным показывают подробнее. Считается, что муж полезет смотреть трубы.

Начали с кухни. Лариса Витальевна распахивала шкафчики, как фокусник, и на третьем обернулась ко мне.

— Вы с ипотекой или материнский капитал?

— С ипотекой.

— А первый взнос какой?

— Сорок процентов.

Она перевела взгляд на Пупсика. С уважением и снизу вверх: по-другому на него не помотришь. Он выдержал и это, только уши слегка порозовели. Возразить не мог: вопросы риелтору задаю я. Трубы Пупсик смотреть не полез. В большой комнате было душно, и он открыл окно. Правило про руки он нарушил сразу, но я решила, что окно считается глазами. В окно вошла электричка: с гудком, со стуком и, по ощущениям, с пассажирами. Савёловский вокзал лежал внизу как на ладони.

— Стеклопакеты всё решают! — крикнула Лариса Витальевна и потянулась закрыть.

Не закрылось. Ручка провернулась вхолостую. Он нажал на створку плечом, повернул ручку ещё раз и молча показал мне: держится на честном слове. Потом пошёл дальше. В

спальне у стены стоял шкаф, придвинутый к самому углу. Чтобы заглянуть за шкаф, мне понадобилась бы табуретка. Пупсику хватило роста.

— Вась, подойди.

Я подошла. Он отодвинулся и показал, куда смотреть: в щель между шкафом и стеной, снизу вверх. Под потолком обои отошли, и угол был серый, с разводами.

— Там раньше аквариум стоял, — быстро сообщила Лариса Витальевна.

— Под потолком? — уточнила я.

— Ну... рыбки же испаряют.

Рыбки, блядь, испаряют. Я каждый день слушаю, почему клиент не может заплатить вовремя, и такого не слышала даже от логистов. Пупсик отвернулся к окну. Плечи у него вздрагивали. Я осталась стоять с серьёзным лицом, потому что кто-то из нас двоих должен был вести себя как взрослый, а я на каблуках и в очках подходила на эту роль больше. Я достала телефон и попыталась сфотографировать угол. На экране получались шкаф, кусок потолка и много ничего.

— Дай, — потребовал Пупсик.

Я протянула телефон. Он поднял его над шкафом, сделал снимок, посмотрел, потом снял ещё раз со вспышкой.

— Вот.

Теперь было видно всё: отошедшие обои, разводы и край стены за шкафом. Я увеличила фотографию.

— Хорошо, что заметил.

Он улыбнулся сразу, даже не попробовал сделать вид, что ничего особенного не произошло. Понравилось человеку, что его похвалили. Ну и правильно. Заработал. Лариса Витальевна тем временем рассказывала, что обои всё равно обычно меняют под себя.

— А причину разводов уже устранили? — спросила я.

— Я уточню у собственников.

— Уточните.

Я перелистнула снимки. На следующем был Пупсик. Успел развернуть камеру и снять себя: глаза смеются, за плечом край того самого шкафа.

— Это что?

— Чтобы было хоть одно хорошее фото.

Я подняла на него глаза. Стоит. Ждёт. Собой доволен совершенно неприлично.

— Сам себе оценку поставил?

— Можешь проверить.

Проверять там было нечего. Получился хорошо, зараза. Даже чужая плесень не портила. Я заблокировала телефон и убрала в сумку. Фотографию не удалила. Потом разберусь.

— Пойдём, — позвала я. — Теперь про документы послушаем.

Свою часть я отработала в коридоре. Собственников у квартиры было трое.

— Но все согласны! — заверила Лариса Витальевна. — Один, правда, в Испании, но доверенность почти готова.

— Почти — это как?

— Ну, он её почти отправил.

В словаре у меня появилось слово «почти». Перевода оно не требовало.

Пупсик говорил мало. Ни «плохо», ни «не бери», ни одного совета. Он находил, показывал и отходил, чтобы я посмотрела сама. Так работает с чужими отчётами Оксана, и за это я держу её ближе всех. На лестничной клетке он спросил только одно:

— Ты сюда каждый вечер через эту арку будешь заезжать?

— Я сегодня зеркала складывала.

— Я видел.

— У вас муж хозяйственный! — восхитилась Лариса Витальевна, запирая дверь. — Сейчас таких мало!

— Наблюдательный, — поправила я. — Это другая специальность.

Про мужа я опять промолчала. Поправлять со второго раза было уже глупо.

Лифта в доме не было. Мы спускались с четвёртого этажа, Лариса Витальевна впереди, я за ней, он последним. Между третьим и вторым на краю ступеньки отстал железный уголок. Каблук нашёл его раньше, чем я. Нога поехала, перила были с другой стороны, и я успела подумать только одно слово. Произнести его не успела: меня уже держали за локоть. Крепко, спокойно и ровно столько, сколько требовалось, чтобы я встала на обе ноги.

— Цела?

— Цела. — Я посмотрела на туфлю. Каблук был на месте. — И он цел.

— Ты в них весь день?

— За деньги.

— А сейчас?

— Сейчас тоже. На каблуках я торгуюсь лучше.

Во дворе Лариса Витальевна вручила нам визитку, одну на двоих, и убежала к следующему. Я дошла до машины и только там сказала вслух:

— Не беру.

— Из-за электричек?

— Из-за угла. Электрички хотя бы ходят по расписанию. А человек, который придумал рыбок под потолком, придумает и всё остальное.

Он кивнул. Потом помолчал, и я поняла, что сейчас будет вопрос.

— Ты сказала, первый взнос — сорок процентов.

— Сказала.

— Ты сама всё это накопила?

Я остановилась у водительской двери.

— А ты как думал?

— Я не думал. Поэтому и спрашиваю.

Смотрел прямо, без усмешки. Не подловить хотел, не проверить. Просто заинтересовался. Я покрутила в руке ключи. Ответить «да» было бы проще всего. Только после «да» обычно спрашивают, как, потом — сколько времени, потом выясняется, что мы уже обсуждаем мою зарплату, хотя я вроде бы никого на это мероприятие не приглашала.

— Давай договоримся. Я не спрашиваю, кто твои родители. Ты не спрашиваешь, сколько я зарабатываю.

Он чуть отстранился.

— А при чём тут мои родители?

— При том, что ты студент, ходишь в хороших ботинках и ни разу не пожаловался на стипендию. Значит, кто-то тебя кормит. Мне неинтересно кто. Вот и тебе пусть будет неинтересно, откуда у меня эти сорок процентов.

Он посмотрел на меня, потом опустил глаза на свои ботинки. Блядь. Спросил про первый взнос, а получил за то, что прилично обут.

— Я не спрашивал, сколько ты зарабатываешь.

— Пока не спрашивал. Я и предлагаю на этом остановиться.

Он открыл рот, но ничего не сказал. За моей спиной щёлкнула сигнализация соседней машины. Я машинально обернулась и тут же разозлилась на себя: стою у собственной двери с ключами в руке и делаю вид, что мне срочно интересна чужая машина. Когда повернулась обратно, он уже убрал руки в карманы.

— Справедливо.

Согласился. Я этого и добивалась. Только минуту назад он смеялся, а теперь весёлым не выглядел. Ладно, Василиса. Условия можно было объяснить и без наезда. Человек тебе квартиру помогал смотреть, а не заявление на содержание подавал.

— Я знаю, — ответила я.

— А про остальное спрашивать можно?

— Про какое остальное?

— Пока не придумал. Про любимый цвет, например.

— Про цвет можно.

— Какой?

— Зелёный. Когда он честный.

По-моему, не понял. Объяснять я не стала: пришлось бы рассказывать, где я работаю, а этого в списке разрешённых тем тоже не было.

— Седьмая когда? — спросил он.

— В воскресенье, если до тех пор не продадут.

— Расскажешь?

— Если будет что. До метро подбросить?

— Пройдусь.

Он ушёл в сторону Савёловской, не оглядываясь. Я переобулась, сложила зеркала, выбралась через арку и поехала домой одна, как и собиралась. Дома вычеркнула в таблице шестую строчку и вписала новую в словарь: «готовая детская» — комната, для которой больше ничего не придумали. Потом осмотрела правую туфлю. Набойка была содрана наполовину. Нога цела, каблук на месте, человек сзади шёл на расстоянии вытянутой руки. Повезло три раза подряд. На такую статистику я обычно не рассчитываю.

В субботу Нина Сергеевна дождалась, пока я разложу продукты, и только тогда спросила:

— Ну, как со своим студентом поужинала?

— Хорошо. В грузинский сходили, я ела харчо, он — хинкали.

— И как он их ел?

— Руками. За хвостик, сначала бульон. Ни капли мимо.

— Хвостики ел?

— На край тарелки складывал.

— Аккуратный, — постановила она. — Это либо воспитание, либо привычка к хорошим рубашкам.

— А разница?

— Воспитание остаётся, когда рубашки кончаются.

Проверить это я не могла: рубашки у него пока не кончались. Привет Нина Сергеевна по-прежнему передавать не велела.

Вечером позвонила Аня.

— Вася! Лера говорит, ты покупаешь квартиру! И у тебя мужчина!

— У меня квартира в поиске и мужчина на испытательном сроке. Не путай.

— А квартиру он видел? Пусть посмотрит, мужчины в этом понимают.

— Уже посмотрел. Нашёл за шкафом плесень.

— Вот видишь! Хозяйственный!

— Ань, мне это вчера уже говорили.

— Значит, правда, — обрадовалась она. — Раз два разных человека сказали.

Спорить с Аниной логикой бесполезно: в ней всё сходится, только не с тем. Про своего мужа она сказала одно: он в командировке до среды. Я ответила «понятно» и больше ничего. Уговор есть уговор.

Потом стало тихо. Сорок минут в кресле и седьмой адрес на воскресенье. Правило, которое я вчера произнесла у машины, мне нравилось: короткое, симметричное, без мелкого шрифта. Спать я легла по диагонали.

Седьмое объявление я чуть не пролистала: в нём не было ни одного прилагательного. Башиловская улица, кирпичный дом, четвёртый этаж из девяти. Пятьдесят один метр, комнаты восемнадцать и двенадцать, отдельные, кухня восемь с половиной. Окна во двор. Девять триста пятьдесят. Ни «уютной», ни «светлой», ни «для самых взыскательных». Я перечитала дважды и поняла, почему текст кажется знакомым: так пишу я, когда товар хороший и врать незачем.

По телефону ответили после первого гудка. Мужской голос назвал время, код подъезда и свою фамилию, а за час до встречи перезвонил подтвердить. Этому я учу своих третий год, и получается пока у четверых. В воскресенье в полдень у подъезда меня ждал человек лет сорока с небольшим: хорошая стрижка, тёмно-синий пиджак без галстука и чистые ботинки, что для сентября уже характеристика. Руку подал спокойно, без обаяния.

— Василиса? Мельников, Игорь Иванович. Пойдёмте, покажу.

В лифте он заговорил первым.

— Сразу скажу, что в квартире плохо, чтобы вы потом не искали. Проводка алюминиевая, родная, её надо менять. Кухня восемь с половиной, а не десять, как у соседей после перепланировки. И наверху по вечерам играют на пианино. До девяти.

— Хорошо играют?

— По-разному, — признал он.

Я посмотрела на него с тем удовольствием, с каким смотрят на чужую хорошую работу. Назвать недостаток раньше, чем его найдёт покупатель, — приём правильный. Я сама ставлю его менеджерам: после этого тебе верят. Шесть квартир за неделю, и только седьмую показывал человек, говоривший на моём языке.

— Объявление вы сами писали? — спросила я уже на площадке.

— Сам.

— Без прилагательных.

— Прилагательные покупатель придумает сам. Если будет из чего.

Я бы подписалась под каждым словом. Дверь открыла хозяйка. Наталья Борисовна, невысокая женщина за пятьдесят в сером кардигане, держала в руке книгу, заложённую пальцем.

— Проходите, пожалуйста. Можно не разуваться.

— Разуюсь, — ответила я.

Дальше я ходила и молчала, а это со мной бывает редко. Паркет ёлочкой, без единой вздутой плашки. Большая комната в два окна, под окнами клён, уже жёлтый с одного бока. Книжные полки стояли полупустые, вдоль стены — коробки, подписанные чёрным фломастером: «Книги», «Посуда», «Зима». Кухня с дверью. Дверь закрывалась, я проверила. Окно закрывалось с первого раза. В ванной стояла старая чугунная ванна, длинная, под сто семьдесят, и я прикинула на глаз, вытянутся ли ноги. За шкаф в спальне я заглянула сама, привстав на носки. Угол был сухой.

На кухне я попросила разрешения сесть. Наталья Борисовна удивилась, но стул отодвинула сама. Я села у окна, протянула руку и открыла холодильник, не вставая. Дотянулась. На Тимирязевской ради этого пришлось бы вылезать из-за стола. Между мойкой и плитой поместились бы доска, кастрюля и мой локоть: локоть я приложила. Мельников смотрел на это спокойно. Наверное, так смотрят на покупателя, который пинает колесо.

— Перекрытия? — спросила я, вспомнив Илью.

— Железобетон. Дом ведомственный, строили для своих.

— Лифт один?

— Один. Меняли шесть лет назад.

Четвёртый этаж. Жанна бы одобрила. В ванной я не удержалась и присела на борт. Ложиться не стала: при хозяйке неудобно. Хотя хотелось.

— Мы здесь очень давно, — произнесла Наталья Борисовна у меня за спиной. — Жалко, конечно. Но за городом нас уже ждут, там внесён задаток.

— У Натальи Борисовны встречающая покупка, — пояснил Мельников. — Продавцы держат дом до конца месяца. Отсюда цена: не потому, что с квартирой что-то не так, а потому, что время стоит денег.

«Срочная продажа» стояла у меня в словаре с переводом «торопиться должны вы». Но здесь срочность объяснили раньше, чем я спросила, и назвали число. Три похожие квартиры в соседних домах висели за девять семьсот, девять восемьсот и девять девятьсот: это я посмотрела ещё в машине.

Я стояла в большой комнате и вместо трещин видела кресло. Вон там, у окна, спинкой к батарее, и ещё останется место пройти не боком. В спальне встанет шкаф во всю стену, и костюмы наконец будут висеть, а не толкаться. На кухне по утрам будет кофе и клён, а дверь можно закрыть, даже если закрываться не от кого. И тишина. Не съёмная, с оглядкой на то, что соседи скажут хозяйке, а своя. Пианино до девяти я согласна была считать музыкальным сопровождением. Тормози, Василиса. Ты ещё ни одной бумаги не видела.

— Игорь Иванович, документы.

— Разумеется. Свидетельство о собственности, выписка из реестра, выписка из домовой книги. Собственник один, Наталья Борисовна, в собственности давно. Свежие выписки закажем завтра, к среде всё будет у вас.

— Кто здесь зарегистрирован?

— Сейчас только Наталья Борисовна. Выпишется до сделки или в оговорённый срок после неё, как вам удобнее.

— Соседи?

— Тихие. В основном пожилые, многие живут с постройки дома.

Отвечал он коротко и закрывал вопрос целиком. За неделю я от такого отвыкла.

— И ширина дверного проёма в большую комнату.

Он не удивился. Достал из кармана рулетку и измерил сам.

— Восемьдесят.

Свою я доставать не стала. В прихожей Наталья Борисовна подала мне ложку для обуви и спросила негромко:

— Вы одна будете жить?

— Одна.

— Здесь хорошо одной. Тихо.

На площадке пахло жареным луком, за соседней дверью работал телевизор. Живой дом. Мельников проводил меня до машины, не сказал ни «подумайте», ни «есть ещё желающие» и попрощался так же спокойно, как здоровался. В словарь в тот день я не вписала ничего. Переводить было нечего.

В машине я посидела с калькулятором. По цене квартира в потолок укладывалась. Сорок процентов своих, остальное банк, и на счёте остаётся то, что я обещала себе не трогать. Но торговаться всё равно надо: каждые сто тысяч с цены — это чуть больше восьмисот рублей с платежа, каждый месяц, пятнадцать лет. Цена и так стояла ниже соседних, и нормальный человек на этом месте сказал бы спасибо. Я же зарабатываю тем, что первая цена существует ради второй. Девять сто, решила я, а начну с девяти ровно. Но сначала бумаги: о скидке не говорят, пока не проверили товар.

Домой я поехала не сразу. Сначала проверила дорогу до офиса: одиннадцать минут по воскресной Москве. В будни, значит, двадцать пять. Потом объехала квартал. Продуктовый в соседнем доме, химчистка через дорогу, до зала на Большой Грузинской не дальше, чем сейчас.

Во дворе я насчитала четыре свободных места. В будний вечер их будет ноль, но это я умею: на Тишинке их минус два. Блядь, Василиса. Ты уже паркуешься.

Вечером я отправила Лере одиннадцать фотографий. Ответ пришёл через четыре минуты.

«Паркет оставляй. Кухню под снос. Плитка в ванной — преступление, но сама ванна хорошая. Миллион двести, если без фанатизма. Сколько просят?»

«Девять триста пятьдесят».

«Бери и торгуйся. Риелтор симпатичный?»

«Профессиональный».

«Таких не бывает. Бывают дорогие и дешёвые».

На ремонт я рассчитывала потратить меньше. Квартира в бюджет помещалась. Лерин миллион двести — уже за счёт денег, которые я собиралась не трогать. Пупсику я фотографий не посылала. Он написал сам, в десятом часу.

«Как седьмая?»

«Ванна длинная».

«Угол?»

«Сухой. Я за шкаф заглянула».

«Сама?»

«На носках».

«Окно?»

«С первого раза».

«Тогда поздравляю», — написал он, и я обнаружила, что сижу на кухне и улыбаюсь холодильнику.

Понедельник вернул меня на землю в девять тридцать. На планёрке Серёжа открыл почту раньше, чем я успела начать, и зачитал вслух, с выражением:

— «С четырнадцатого сентября вводится временный порядок согласования коммерческих условий. Основание — служебная записка начальника отдела активных продаж Рудневой В. Д.». Вась. Это про тебя?

— Про меня.

Фамилию автора кадры, блядь, вынесли в первую же строку — чтобы ни у кого не осталось вопросов, кого благодарить.

— Лист на бумаге в одном экземпляре, — продолжал он, и голос у него падал с каждой строчкой. — Подпиши лично. Журнал в приёмной. Электронная рассылка листов запрещается... Вась, это ты написала?

— Я.

— Сама?

— Сама.

Марина произнесла что-то короткое. Илья посмотрел в окно. Денис спросил, можно ли вести журнал в экселе, и получил ответ от Оксаны взглядом.

— А нас спросить? — поинтересовалась Марина.

Я сняла очки.

— Вас месяц подозревали в воровстве. Меня тоже. И проверять было нечего, кроме наших честных глаз. Теперь каждый, кто держал лист в руках, расписывается. Утечёт ещё раз — начнут с журнала, а не с вас. Дорого, согласна. Вопросы по существу есть?

По существу не было. Были по жизни, но их никто не задал. После планёрки я заметила у Ильи на запястье белую полосу, которую не взяло мыло. Кухню они в субботу покрасили. Третий белый на стене оказался серым. Жена постояла, посмотрела и сказала: «Благородно». Переспрашивать, хорошо это или плохо, Илья не стал. К половине одиннадцатого Серёжа вер-

нулся с первого круга по этажу и сел на свой стул, не снимая пиджака: в одиннадцать его ждали на встрече.

— Финансовый контролёр спросил, зачем мне его подпись. Я ответил, что по новому порядку. Он спросил, кто придумал порядок.

— И?

— Я сказал. Он сказал: «Тогда пусть она и ходит».

Антон прошёл свой круг молча и раньше всех. Вернулся, положил подписанный лист на стол и только тогда высказался:

— Нормально. Дольше, но видно, кто что читал.

От человека, которого я месяц назад подозревала, это был самый дорогой отзыв о моей записке. Я кивнула. Он тоже.

В два часа пошла я. У меня был свой лист: новый расчёт на второй склад «Автотрейдинга». Евдокия Ильинична думала с августа и наконец попросила подвинуться. Раньше хватало одного письма на четыре адреса, и ждать ответа можно было за своим столом. Теперь — один лист, одна ручка и я на каблуках. Ирина Павловна расписалась, не глядя на меня.

— Последний раз я визировала ручкой в две тысячи шестом. Спасибо за молодость, Вася. Финансовый контролёр за своей перегородкой читал мой лист шесть минут.

— А вам зачем моя подпись?

— По регламенту.

— А кто писал регламент? — спросил он, как будто не знал.

— Я.

— Тогда вопросов нет. — Он расписался. — Сочувствую.

В приёмной Кристина открыла журнал и развернула его ко мне.

— Распишитесь, Василиса Дмитриевна. Сдали в четырнадцать сорок. Заберёте после подписи Олега Николаевича.

Чернов подписал в начале пятого. Лист мне вернула Кристина с поручением.

— Олег Николаевич просил передать: в следующий раз приносите до двух. После двух он читает медленнее.

Этого пункта в моих правилах не было. Зря. Два часа на то, что раньше занимало одно письмо. Я сама написала эти правила. И сама себя теперь ненавидела, причём по всей форме: на бумаге, лично и под запись в журнале. Зато впервые за восемь лет я точно знала, кто видел мой лист: три подписи и одна запись в журнале. От новой утечки это не страховало. Но если она случится, искать начнут не с двадцати шести фамилий, а с четырёх.

Во вторник с утра я набрала Евдокию Ильиничну. Лист по её второму складу лежал у меня с тремя подписями, и новую цену можно было называть вслух.

— Васенька, — пропела она, и я поняла, что будет трудно. «Васенькой» я у неё становлюсь, когда ей что-то нужно. — А я как раз о вас думала.

— Я о вас тоже, Евдокия Ильинична. Вчера, два часа, с тремя подписями.

Цену я назвала. Она помолчала, пошуршала бумагой и вздохнула.

— Это, конечно, лучше. Но мне надо посоветоваться.

— С кем?

— С собой, Василиса. Я женщина основательная.

Основательность Евдокии Ильиничны я знаю с июля. Первый склад она обдумывала ровно до тех пор, пока у неё не кончилась старая плёнка. Я сказала, что цена держится до конца месяца, и не соврала: дальше её не удержит уже Ирина Павловна. Попрощались мы почти нежно. Ладно. Подожду. Ждать её я уже умею.

В полдень пришло сообщение. «Василиса, добрый день. Документы будут у вас завтра к вечеру. Мельников». Без смайликов, без «как вам квартира», без второго покупателя. Я отве-

тила: «Жду» — и до конца дня открывала почту чаще, чем следовало. На боксе я впервые за две недели никуда не летела. Тренер это заметил и ничего не сказал.

Дома я достала рулетку. Кресло в ширину — восемьдесят четыре сантиметра. Проём на Башиловской — восемьдесят. Я полчаса сидела на полу с инструкцией, которую не открывала два года, и на двадцать шестой странице нашла, что подлокотники снимаются. Четыре болта с каждой стороны. Шестигранник лежал в том же пакете. Я положила его на видное место, чтобы не искать потом. Документов я ещё не видела. Кресло уже стояло.

Клиент врёт редко. Этому я учу своих с первого месяца, а верить мне начинают к третьему. Чаще всего достаточно правильно поставить вопрос. На «Вас устраивает нынешний поставщик?» вполне можно получить вежливое «да» и пойти звонить следующему. А вот после «Когда вам последний раз привезли заказ вовремя?» вдруг выясняется, что склад вторую неделю ждёт коробки, а закупщик уже готов встречать водителя с монтировкой. Вот теперь есть о чём разговаривать. Мельников обещал прислать документы к вечеру среды, а до обеда мне предстояло собрать собственный комплект для ипотеки.

Справку о доходах выдавала бухгалтерия, а копию трудовой с заверением каждой страницы — отдел кадров. Туда я и отправилась. Дверь у них всегда нараспашку: вдруг в коридоре случится чужая личная жизнь, а они пропустят. В девять пятнадцать я объяснила, что мне нужно, и зачем-то добавила: «Для банка». Через минуту уже подтвердила, что беру ипотеку. Блядь. Восемь лет ничего личного им не рассказывала, а тут принесла новость на собственных каблуках.

Обычно с оформлением возятся три дня, но сегодня управились за десять минут: видимо, не терпелось выпроводить меня и наконец обсудить. Кадровичка протянула готовую копию. Я пролистала выданные листы. Моя первая официальная работа так и осталась единственной. Пришла сюда помощником менеджера, через несколько месяцев избавилась от первого слова в должности, а за два года добралась до кресла начальника отдела продаж. В трудовой каждое повышение занимало несколько строчек. Всё, что пришлось выслушать, вытерпеть и переделывать самой, туда, к счастью, не вписывали. Иначе за копией я бы приехала с тележкой.

Из кадров я пошла в бухгалтерию. Справку о доходах мне распечатала Елена, жена Антона. Поинтересовалась сроком кредита, пожелала удачи с покупкой и аккуратно поставила печать. Я поблагодарила, забрала документ и ушла быстрее, чем требовала вежливость. Хорошая женщина. Про её мужа я знала лишнее и теперь почему-то чувствовала себя виноватой. Тоже, блядь, устроился: развлекается Антон, а глаза отводить мне. На обратном пути у дверей снабжения меня перехватила Ирина Павловна с калькулятором.

— Ипотека? — Она посмотрела поверх очков. — Поздравляю, Вася. Теперь будешь бояться увольнения, как все нормальные люди.

— Я и раньше боялась.

— Из самолюбия. А теперь будешь по графику платежей.

Возразить было нечем. Самое обидное, что достойный ответ я обязательно придумаю. Часов в десять вечера, дома, когда произнести его будет некому.

В своём отделе я первым делом увидела Серёжу, он стоял у аквариума, явно дожидаясь меня.

— Вась, а новоселье будет?

До кресла я ещё не дошла, а весь этаж уже в курсе. Кадрам надо свой новостной канал открывать: пока я собирала бумаги, они уже выдали выпуск.

— Будет. Вход по выполненному плану.

— То есть меня не зовут.

— У тебя ещё две недели, чтобы позвали.

Он ушёл думать, считать ли это приглашением. Марину интересовали условия.

— Под сколько дают?

— Четырнадцать с половиной.

— Грабёж.

— Грабёж — это аренда. Там переплата сто процентов, и в конце тебе не оставляют даже стен.

Она прикинула и кивнула. Арифметику Марина уважала, даже когда результат ей не нравился.

До обеда я работала. Закупщица Fonte Aqua подтвердила дату: первая машина идёт к ним в понедельник, двадцать первого, к десяти. Илья с утра уехал на склад смотреть, как собирают их паллету, и прислал фотографию. Шесть коробок, на каждой наклейка, наклейки ровные. Подпись: «Я стоял рядом». Лист по этой поставке прошёл круг подписей за час сорок. Чернов на нём ничего не подчеркнул, и я минут пять пыталась понять, хорошо это или он не дочитал до конца.

В час я вошла в банк — от офиса до него десять минут пешком.

— Проходите, присаживайтесь.

Юлия, к которой меня направили, отставила кружку и освободила место на столе. На вид ей было лет двадцать шесть. Тёмные волосы она собрала в хвост, но одна прядь выбилась и теперь лезла в глаза.

— Допейте, я пока документы достану.

— Спасибо, он уже холодный.

— Значит, у вас тут тоже весело.

Она усмехнулась и потянулась к моей папке. Паспорт положила перед собой, справку о доходах внимательно просмотрела, на копии трудовой проверила печати. Работала спокойно, без суеты. Я устроилась поудобнее: приятно иметь дело с человеком, которому не надо подсказывать, что делать дальше.

— Семейное положение?

— Не замужем.

— Созаёмщики будут?

— Нет.

— Поручители?

— Я.

Юлия оторвалась от анкеты.

— Себя не записываем.

— А зря. Я надёжный человек.

Уголки её губ дрогнули, но в нужной графе всё равно появился прочерк. Дальше выяснили, что иждивенцев у меня нет, а автокредит закрыт досрочно. Последнее я произнесла с особым удовольствием. Хорошее поведение должно хоть где-нибудь учитываться.

— На какую сумму рассчитываете?

— До пяти миллионов восьмисот тысяч. На пятнадцать лет.

Печатая, она ненадолго задержала взгляд на справке, потом внесла цифры в анкету. Я смотрела на её руки и удерживалась от желания заглянуть в монитор. На своей работе я тоже не люблю, когда клиент начинает дышать мне в затылок. Но там-то речь обычно о его деньгах. Здесь — о моих следующих пятнадцати годах.

— Досрочно погашать планируете?

— С первого месяца.

— Комиссии за это нет.

Уже хорошо. Брать с меня деньги за то, что я побыстрее верну чужие, было бы особенно трогательно. Мы дополнили оставшиеся графы, и Юлия развернула распечатанную анкету ко мне. Я прочитала её целиком, прежде чем расписаться. Она тем временем достала ещё один лист.

— Это список документов на квартиру. Понадобится, когда окончательно выберете объект: оценка, страховка, бумаги продавца. Здесь всё перечислено.

Я пробежала глазами по строчкам. Правоустанавливающие документы, выписка из реестра, расширенная выписка из домовой книги.

— Расширенная — это какая?

— Архивная. Обычная показывает, кто зарегистрирован сейчас, а в этой — прежние жильцы и сведения о том, куда они выехали.

— А зачем вам те, кто уже съехал?

Юлия убрала прядь за ухо и улыбнулась.

— Это юристы смотрят. Я продаю кредиты, Василиса Дмитриевна. Домовые книги у нас читают на третьем этаже.

Знакомая улыбка. У меня такая же, когда покупатель требует объяснить состав клея на скотче. Продать могу, сварить — извините. Я достала ручку, записала на полях «расширенная» и обвела. Юлия обещала решение по заявке в течение пяти рабочих дней. На прощание я пожелала ей горячего кофе.

— Спасибо. Попробую ещё раз.

За перегородкой уже звонил телефон. Удачи тебе, девочка.

На обед осталось семь минут и слойка из кофейни внизу. Оксана увидела слойку, ничего не сказала и ушла к себе. Через минуту на моём столе стояла крышка от её контейнера, в крышке — половина котлеты с макаронами. Я съела. С Оксаной не спорят, с котлетой тем более.

В три я вышла на площадку и сразу поняла, что обсуждают меня. Марина, Илья, Денис и Жанна замолчали разом, на полуслове.

— Продолжайте, — усмехнулась я и достала сигарету. — Послушаю, под сколько мне дали.

— Под четырнадцать с половиной, — сообщил Денис. — Марина сказала.

— А на сколько лет, Марина не сказала?

— На пятнадцать. — Марина даже не смутилась. — Это уже кадры.

Заебись. К вечеру будут знать размер платежа. Илья дал мне прикурить.

— Мы шестой год платим, — сказал он. — Нормально. Страшно первые полгода. Потом это просто строчка в расходах.

— А мы в прошлом году закрыли, — негромко сказала Жанна. — Брали на пятнадцать, отдали за десять. Муж в тот день напился. Первый раз за десять лет.

— С горя? — спросил Денис.

— От свободы. Не знал, что с ней делать.

Все помолчали. Потом Денис спросил, сколько надо иметь, чтобы банк вообще стал разговаривать. На первый взнос он копил третий год и про цифры спрашивает, как про диагноз. Я ответила. Он посчитал в уме, и лицо у него вытянулось.

— Денис, ты не туда считаешь. Ты считаешь, сколько не хватает. А надо — сколько ты продашь до Нового года.

— Это мотивация?

— Это план. Он у тебя на экране висит.

Дверь открылась, вышел Палыч. Послушал полминуты и вздохнул.

— А я снимаю. Мне уже не дадут.

— Почему? — спросила Жанна.

— Пятьдесят два года. Банк посчитал, до какого возраста мне платить, и расстроился.

Никто не засмеялся. Я докурила и подумала, что мне тридцать один и что до своих пятидесяти двух надо успеть не только взять, но и отдать. Отдохнула, называется.

В отделе меня ждало письмо от закупщика «Паскер ЛТД». Сергей прислал расход упаковки за последние три месяца и предложил посчитать.

Я открыла таблицу, придвинула клавиатуру и убрала со стола пустую чашку. Вот это уже интереснее разговоров о том, в каком возрасте банк перестаёт верить в твоё будущее.

«Паскер» торговал автозапчастями, и коробки им требовались в количествах, от которых хотелось сесть поближе к монитору. Канцелярию и хозяйственные мелочи я им тоже предлагала, но сюда лезла ради гофры. Ручки у них могли закончиться нескоро. А отправлять детали покупателям без упаковки было затруднительно, даже если очень красиво написать адрес прямо на запчасти.

Я проверила единицы измерения и набрала Сергея.

— Получила вашу таблицу. В последнем столбце расход за месяц?

— Да. Только смотрите все три. Бывают пики.

— Вижу. Вы это как забираете — понемногу или сразу машиной?

— Сразу. Обычно раз в месяц, при большой загрузке — чаще. Сможете дать цену?

— Смогу. Мне ещё нужны требования к упаковке: размеры, картон, что в какие коробки кладёте. Чтобы потом не выяснилось, что я вам выгодно продала красивую макулатуру.

— Пришлю спецификацию. По образцам отдельно договоримся.

Я открыла закупочные цены. Даже по нашим нынешним условиям получалось хорошо. Если завод согласится пересмотреть их под такой объём, выйдет совсем приятно.

— И сразу по доставке, — продолжил Сергей. — Гофру принимаем ночью.

— Во сколько?

Он назвал время. Я записала.

— Дневной приёмки нет?

— Для такой машины — нет. Канцелярию можете привозить днём, там другой порядок.

А с коробками надо подстраиваться под склад. Вас это устроит?

— Если сойдёмся по остальному — устроит.

— Тогда ещё один совет. Познакомьтесь с нашим старшим ночной смены.

Я перестала печатать.

— До первой поставки?

— Желательно. Созвонитесь, обсудите, как маркировать, как укладывать. Ему потом всё это принимать. Мы с вами можем сколько угодно договариваться о стоимости, но если на разгрузке начнутся проблемы, никакая скидка не спасёт.

— Что обычно идёт не так?

— Привозят вперемешку. В документах одно, на этикетках другое. Или машина приехала, возник вопрос, а менеджер до утра недоступен. Разбирайтесь как хотите.

— На первую приеду сама.

— Вот это правильно. Только лучше не на первую, а на каждую. У нас люди годами работают. Когда понимают, что поставщик отвечает за своё, держатся за него.

С этим спорить было трудно. По телефону все ответственные. Особенно пока ещё ничего не купили.

— Заказы потом можно будет оформлять через наш отдел обслуживания, — пояснила я. — Но поставки оставлю у себя под контролем. Контакт мой у вас будет.

— И на ночь телефон не выключите?

— Если у меня едет фура, я его и без вас не выключу.

Сергей негромко засмеялся.

— Хорошо. Номер пришлю. Мужик он толковый, вы с ним сработаетесь. Только не надо приезжать, командовать и уезжать. Пообщайтесь нормально. Они там всю ночь вкалывают, а вспоминают о них обычно, когда что-нибудь потерялось.

Я записала рядом с временем: «Созвониться со складом».

— Чай у них есть?

— В смысле?

— Чайник. Пока машину ждём, хоть согреться можно?

— Есть, конечно.

— Уже прекрасно.

Мы договорились, что после уточнения условий я пришлю предложение. Я положила трубку и ещё раз посмотрела на объёмы.

Ради такого заказа вполне можно было раз в месяц выехать ночью. При необходимости — два. Пока я спала, денег мне никто не начислял. Проверено за тридцать один год.

С распечаткой я отправилась к Лапшину. Он сидел боком к столу и разговаривал по телефону, придерживая плечом трубку. Увидев меня, показал на свободный край столешницы. Я положила лист и ткнула пальцем в итог.

Алексей посмотрел, вернулся глазами к началу таблицы и сел прямо.

— Я тебе перезвоню, — пообещал он собеседнику. — Нет, ничего не случилось.

Трубка легла на место.

— Это на какой период?

— На месяц.

Он ещё раз пробежал по строкам.

— Хорошие цифры.

— Поэтому я здесь, а не сижу у себя красивая.

— Брянск?

— Думаю, да. Посчитай у «Брянского картона». Машину напрямую клиенту, без нашего склада. Приёмка ночная, время укажу в заявке. И поговори с ними о цене на общий объём.

Лапшин потянул к себе калькулятор. Мы у этого завода уже закупались. С заказами «Паскера» месячный объём вырастал настолько, что можно было обсуждать другие условия и для остальной гофротары. Заводу — регулярная загрузка, нам — более выгодная закупка. Одного покупателя я ещё даже не завела, а польза от него намечалась по всему этому направлению.

— Они уже готовы работать? — уточнил Алексей.

— Если устроят условия и образцы.

— Значит, пока считаем одну машину. На постоянный объём я цену запрошу отдельно.

— Именно. Чужие обещания в прибыль не записываем.

Сказала я это уверенно. Сама уже успела прикинуть, сколько из заработанного отправлю на досрочное погашение. Умная женщина. Особенно когда учит других.

Ирина Павловна вышла из-за соседнего стола и заглянула в расчёт.

— Что принесли?

Лапшин развернул к ней бумагу. Она прочитала, взяла ручку и обвела итог.

— Вот с этой цифрой и разговаривайте. Но пусть письменно укажут, какой объём нужен для следующей цены. А то потом окажется, что мы друг друга неправильно поняли.

— И доставку отдельно, — добавила я. — Чтобы ночное прибытие не возникло у перевозчика сюрпризом.

— Сопровождать кто будет?

— Я.

Ирина Павловна подняла глаза.

— Ночью?

— Угу.

— А отдел утром?

— На месте. Я тоже.

Она посмотрела на меня ещё секунду, но воспитывать не стала. Вернула лист Алексею.

— Запроси сегодня, пока у них рабочий день не закончился.

Дальше пришлось заняться тем, чего за словами «заключить договор» обычно не видно. Сергей дослал требования, в двух позициях не хватало размеров, а у перевозчика понятие «приедем ночью» охватывало слишком большой кусок суток. Я выясняла, во сколько машину должны поставить под разгрузку, передавала уточнения в снабжение и между звонками успевала отвечать своим.

К пяти завод прислал предварительный расчёт. Я свела его с доставкой, перепроверила итог и только потом посчитала свой процент.

Посидела. Ещё раз нажала на калькуляторе. За такие деньги я вам, ребята, не только чай привезу. Ещё и к чаю. И печенье выберу нормальное, которое в рот кладут без предварительного замачивания.

Сумма получалась ощутимая даже с учётом того, что никакой дополнительной скидки нам пока не дали. При регулярных отгрузках можно было заметно быстрее уменьшать будущий долг. Впервые за день я смотрела на расчёт ипотеки без желания закурить. Для начала, правда, предстояло довести до ума предложение.

Я вписала порядок поставки. Завод грузит машину, перевозчик везёт прямо на склад «Паскера», к приёмке приезжаю я. Забираю у водителя предназначенные нам экземпляры заводских документов, передаю покупателю наши накладные. Пока ребята разгружают, сверяем маркировку и количество. Если что-то не сходится, разбираемся на месте, пока товар перед глазами и никого не приходится разыскивать. Поехать мне в любом случае было проще, чем наутро восстанавливать события по трём телефонным версиям.

Ближе к шести Сергей прислал номер старшего смены. Я сохранила контакт, поставила напоминание созвониться и дописала в блокноте: «Уточнить пропуск и въезд». Чуть ниже — «Чай, печенье». Посмотрела на список и добавила конфеты. Там всё-таки целая смена. Приеду знакомиться — не буду сидеть у них с одной пачкой на всех, как завуч на родительском собрании.

Предварительные расчёты остались у снабжения на проверку. После уточнений предстояло собрать подписи, согласовать образцы и получить первый заказ. Работы было достаточно, но наконец хотелось за неё взяться. Я закрыла таблицу. Плечи затекли, чашка так и стояла пустая на краю стола. За окнами уже включались огни, в отделе стало тише. День прошёл, а я даже не заметила.

Обещанные риелтором документы на квартиру пришли в восемнадцать сорок, когда я уже встала из-за стола и взяла сумку. Мельников написал: «Василиса, добрый вечер. Во вложении шесть документов, перечень ниже. Оригиналы покажу при встрече, время выберите сами». Я снова села и открыла вложения. У каждого файла человеческое название, а не «скан0047». Уже приятно: не придётся гадать, где свидетельство о собственности, а где чья-то прописка вверх ногами. Я переслала письмо на домашнюю почту и поехала разбираться, что собираюсь купить.

Дома я поела стоя, вымыла руки и только потом села. Свидетельство о праве собственности: бланк с гербом, две тысячи шестой год, одна фамилия. Договор передачи от того же года: город отдал квартиру в собственность одному человеку, бесплатно, как отдавал тогда всем, кто дошёл до окошка. Выписка из реестра, свежая, от вторника: правообладатель один, ограничений не зарегистрировано, арестов нет, судебных споров не заявлено. Выписка из домовой книги: одна строка, Наталья Борисовна. Копия лицевого счёта: долга нет, есть переплата в триста двенадцать рублей. поэтажный план без единой красной линии: стены стоят там, где их поставили. Я прочитала всё дважды. Потом третий раз, с карандашом. Придаться было не к чему, и это меня, сука, не успокаивало. Когда я сама собираю пакет для трудного клиента, он выглядит точно так же: шесть бумаг, все настоящие, и каждая отвечает ровно на один вопрос. Вопросы при этом выбираю я.

Так. Стоп, Василиса. Ищи не ошибку. Ищи, чего нет.

Нашлось быстро. В воскресенье Наталья Борисовна сказала: «Мы здесь очень давно». Соседи, по словам Мельникова, живут с постройки дома. Допустим, дом заселяли в начале семидесятых. Договор передачи — две тысячи шестой. Между этими датами тридцать с лишним лет, а по бумагам выходило, что в двух комнатах всё это время жила одна женщина, которой при заселении было лет десять. Десятилетним девочкам квартир не давали даже при советской власти. Значит, были ещё люди. Родители — наверняка. Может, муж. Куда-то они делись, и в этом ничего странного: люди умирают, разводятся, уезжают. Странно, что в пакете о них ни слова. Я достала из сумки банковский список и нашла обведённое. Расширенная. Та, где все, кто раньше.

В десять вечера я написала Мельникову: «Игорь Иванович, спасибо, всё получила. Не хватает расширенной выписки из домовой книги, банк её запросит. И оригиналы хочу посмотреть завтра». Писать людям после девяти я считаю хамством, но время он предложил выбрать сам. Ответ пришёл через шесть минут: «Добрый вечер. Завтра в 18:30 вам удобно? Назовите место, я подъеду. Привезу всё». Ни «зачем вам», ни «обычно этого достаточно». Я назвала кофейню на Лесной и легла. Заснула не сразу. Лежала и считала, сколько лет было Наталье Борисовне в начале семидесятых. Нашла, чем заняться в полночь.

В четверг я впервые увидела свою мебель живьём. Сергей Андреевич ещё в понедельник прислал приглашение: второй салон открывается семнадцатого, в полдень, приезжайте посмотреть, за что мы вам платим. Обычно я знаю свой товар по спецификации: артикул, количество, цена, срок. Как он потом живёт у клиента, продажнику показывают редко. Стойку администратора я узнала раньше, чем директора. Три недели она числилась у меня в расчёте строкой сорок один, и Антон пересчитывал её трижды. Вживую строка сорок один оказалась светлой, длинной и, сука, красивой. За ней сидела девочка в фирменной блузке и боялась на стойку дышать.

Ленточку резал собственник: невысокий, загорелый, в синем галстуке. Потом Сергей Андреевич подвёл его ко мне.

— Это вы не подвинулись? — спросил собственник.

— Я.

— Правильно. — Он пожал мне руку обеими руками. — Я бы перестал уважать.

Я пробыла там двадцать минут. Посидела на стуле для посетителей, который сама же и продала. Удобный. Себе бы такой, да ставить некуда: у меня пока и квартиры нет.

В отдел я вернулась к половине второго. Серёжа сидел над расчётом для тех, к кому ездил в понедельник, и грыз ручку.

— Ты обещал им ответ к четвергу. Сегодня что?

— Четверг.

— Вот и я о том же.

— Вась, я хочу ещё раз проверить доставку.

— Проверяй. До трёх. В три ты нажимаешь «отправить», даже если доставка тебе приснится.

Отправил он без четверти три и ходил после этого гордый, будто сам отвёз.

В половине седьмого я вошла в кофейню на Лесной. Мельников уже сидел за столиком у стены. Перед ним стояли вода без газа и синяя папка на кнопке. Он поднялся, когда я подошла, и сел только после меня. Спросил, какой кофе, заказал и больше не спрашивал ни о чём. Открыл папку и стал выкладывать оригиналы по одному, в том порядке, в каком шли файлы в письме.

Я сверяла. Номер бланка, дата, печать, подпись регистратора. Договор передачи был прошит, на обороте штамп о регистрации. Сходилось до запятой. Мельников не торопил и ничего не объяснял. Пил воду и смотрел в окно.

— Вы просили расширенную. — Он достал последний лист, большой, сложенный вдвое. — Её я привожу на встречу, вместе с оригиналами.

Привозит. То есть не присылает, пока не попросят. Гладко. У меня самой таких объяснений полный ящик, на каждое «почему не прислали сразу». Я развернула лист. Строк было четыре. Первая — мужчина двадцать девятого года рождения: зарегистрирован в семьдесят первом, снят с учёта в девяносто девятом, умер. Вторая — женщина тридцать четвёртого года: с семьдесят первого по две тысячи одиннадцатый, умерла. Третья — Наталья Борисовна. В четвёртой стояли та же фамилия и то же отчество.

Алексей Борисович, шестьдесят шестого года рождения. Зарегистрирован в семьдесят первом. Снят с регистрационного учёта четырнадцатого октября две тысячи четырнадцатого года. Графа «причина» пустая. Графа «куда выбыл» пустая. Я поставила чашку мимо блюда. Поправила. Прочитала строку ещё раз, пальцем, как первоклассница. Отец, мать, дочь и сын. Обычная семья из четырёх человек в двух комнатах. Двое умерли, одна продаёт. Четвёртый одиннадцать месяцев назад перестал здесь числиться, и куда он делся, бумага не знала. Ну здравствуй, Алексей Борисович.

— Игорь Иванович, это кто?

— Брат Натальи Борисовны, — ответил он ровно. Тем же тоном, каким в лифте говорил про проводку.

— В две тысячи шестом здесь были прописаны трое. В договоре передачи одна.

— Мать и брат в приватизации не участвовали. Оба отказались в пользу Натальи Борисовны, нотариально. Отказы лежат в приватизационном деле.

— Мать умерла. А брат где?

— Насколько я знаю, давно уехал.

— Давно — это когда?

— Наталья Борисовна знает наверняка, я уточню и напишу вам.

Он не отвёл глаз и не потянулся к воде, ни одного лишнего движения.

— А почему я узнаю о нём только сегодня?

— Потому что сегодня вы спросили. — Он сказал это без вызова. — Он не собственник и сейчас здесь не зарегистрирован. В свидетельстве о собственности и в свежей выписке из реестра его нет.

Каждое слово было правдой: обе бумаги я только что держала в руках. И тут до меня дошло. В воскресенье я спросила, кто в квартире зарегистрирован, и он ответил: «Сейчас только Наталья Борисовна». Слово «сейчас» я тогда пропустила, а оно там стояло. Блядь. Я же сама так разговариваю каждый день. Обвинять его было не в чем. Родственник, который отказался от доли и уехал, — это ещё не беда. Пол-Москвы приватизировало именно так. Мне не понравилось другое: четвёртую строку пришлось доставать самой.

— Можно я сфотографирую?

— Конечно. Копию для банка я сделаю отдельно.

Я положила выписку на стол и включила вспышку. Вспомнила, как Пупсик снимал угол за шкафом: у меня на экране была сплошная темнота, а у него — все разводы как на ладони. Учитель хороший. Главное, не сообщать ему об этом слишком часто: он и без того собой очень доволен. Снимок получился с первого раза. Я увеличила его, проверила, читаются ли фамилии и даты, и вернула лист Мельникову.

Мельников аккуратно сложил оригиналы в папку, сохранив прежний порядок, и застегнул кнопку.

— Василиса, я понимаю, как это выглядит, но я сразу назвал вам всё, что в квартире плохо. Проводку, кухню, пианино. Брат Натальи Борисовны в этот список не входит, в квартире его нет.

— Тогда вам нетрудно будет это показать.

— Согласен.

За кофе он заплатил сам. Я не спорила: это был его показ, а не мой ужин. На улице попрощались за руку. Рукопожатие осталось прежним, спокойным, только теперь я внимательнее слушала, как он строит фразы.

Домой я приехала в начале девятого. Распечатала фотографию выписки, положила к остальным бумагам и долго смотрела на четвёртую строку. Человеку сорок девять лет. Сорок три из них он был прописан в квартире, где я уже мысленно расставила мебель. Я знаю о нём два слова, и оба мне сказал тот, кто эту квартиру продаёт. Охуенная осведомлённость.

В девять ноль две звякнул телефон.

«Девять. Сообщаю на всякий случай: я свободен».

Четверг. Неделью назад в это время Пупсик стоял у меня на пороге с пахлавой. Сегодня я не звонила, а он не спрашивал почему. Просто доложил обстановку. Ну надо же.

«Сегодня я читаю», — написала я.

«Что?»

«Чужую домовую книгу».

«Интересно?»

«Там появился новый персонаж».

«Хороший?»

«Пока только прописанный».

«Тогда читай. Расскажешь, чем кончилось».

Я хмыкнула и пошла ставить чайник в хорошем настроении. С какой стати, спрашивается. Человек написал несколько слов, а я хожу по кухне довольная. Звонить не стала. Но спать пошла минут на десять позже обычного: ждала, не напишет ли ещё.

Шестигранник со вторника лежал на подоконнике, на видном месте, рядом с инструкцией. Я посмотрела на него и убрала в ящик. Рано. Кресло пока постоит здесь.

В пятницу я приехала в офис пораньше и первым делом открыла почту. Мельников обещал расспросить Наталью Борисовну. На всякий случай я решила снабдить его списком, чтобы из всей беседы мне опять не досталось одно «давно». В продажах это прекрасное слово: вроде сообщил человеку что-то, а предъявить тебе нечего. Меня интересовало, когда Алексей Борисович съехал, куда перебрался, на каком основании его сняли с регистрационного учёта в октябре две тысячи четырнадцатого и почему он отказался от участия в приватизации. Всё это я изложила письменно, оставив под каждым пунктом место для ответа. Если завтра появится другая версия, не придётся вспоминать, кто кого неправильно понял. Положим рядом и полюбуемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.